

Вероника Мелан



САПФИР

Из серии романов «Город»

Annotation

Раз в месяц для Марио Кассара, получившего в наказание за совершенное преступление «розетку», открывается комната, в которой он волен выбрать один-единственный камень. Оникс? Сорок четыре дня жизни. Рубин? Тридцать два. Топаз? Четырнадцать. И лишь один самоцвет способен помочь «розеточникам» вернуть полноценную жизнь — Сапфир. Вот только, как отыскать его, если все камни в комнате... бесцветные?

Вероника Мелан

Сапфир

«...Переход — это новая жизнь. Прежнее тело, но пустая голова. Память о себе как о человеке, но отсутствие воспоминаний о других — какими они были, зачем? Нет их более, и хорошо. Переход — это, как отдать долги. Все разом. Возможно, раньше ты кого-то любил, но забыл его без сожалений и душевной муки. Друзья? Наслаждался их компанией, но ушел, легко махнув на прощание рукой. Плохой начальник — хороший начальник? Был да сплыл. Коллеги? Найдутся новые, равно, как и новые знакомые, дела, отношения... Переход — это полная свобода: от прежних чувств, радостей и тревог, от накопленного багажа, свобода от себя самого...»

Дом.

Она выбрала его сразу, не задумываясь, — белокаменный, великолепный, с балконом на втором этаже, колоннами снизу по сторонам от входа, в обрамлении цветущих кустов и пальм. Не дом — вилла: на заднем дворе шезлонги и бассейн, а спереди, если утром выйти с чашкой кофе на террасу, неумолкающий грохот прибоя. К тому же собственный пляж — маленький, всего сто метров, но свой. Можно огородить.

Конечно, другие бонусы также заслуживали внимания. Номер один: моментальное трудоустройство на хорошую работу с высокой заработной платой и маленькая (крохотная — она посмотрела) квартира в центре. И номер два: кругленький и приятный первоначальный капитал (но при этом ни жилья, ни работы — все сам) на любые нужды и желания. Однако Лана Далински выбрала дом, и потому ни денег, ни работы в придачу ей не полагалось.

И что же? Ведь Ла-Файя — это, прежде всего, океан. Курорт. Запах солнечных лучей, соленого ветра, шелест пальмовых листьев вдоль линии прибрежных кафе. Цветные купальники, жесткие от соли волосы, это стекающее на подбородок ванильное мороженое, аромат кокосового лосьона для загара, яркие красные трусы длинноногих парней-спасателей... Ну, какая, к черту, может быть прекрасная работа и унылая серая коробочка в центре, когда через пару километров южнее золотистый берег будет облизывать жадный до босых ступней прибой?

Нет, в таком месте нужен дом. И обязательно на берегу океана.

Водитель такси, когда она назвала ему свой новый адрес, кивнул. Как ей показалось, с уважением и восхищением.

Переход. Новый уровень. Новый город.

Продвигаясь от будки Портала к океану, машина колесила и по широким проспектам с плавящимся от полуденной жары идеально ровным асфальтом, и по узким, мощеным полированными булыжниками улочкам. На первых, сверкая босоножками и пряжками пляжных сумочек, текла загорелая и изредка белесая — туристки — толпа, почти сплошь состоящая из занимающихся праздным шопингом дам, на вторых было тихо — свисающие с балконных перил цветы, сохнувшие полотенца, янтарный полумрак.

Лана балдела. Щурилась, когда выезжали на солнце, во все глаза рассматривала местный колорит, стоило нырнуть в тень, и нравилось ей абсолютно все — и щербатые стены домов на окраине, и слепящие фасады роскошных особняков в центре. Нравились растущие в кадках вдоль дорог яркие хищно-экзотические цветы и карликовые пальмы, развевающиеся от бриза скатерти и тенты уличных кафе, пестрящие синевой плакаты, зазывающие приезжих совершить морскую прогулку. Нравилось, что у большинства машин отсутствовали крыши, а из салонов авто — «не кабриолетов» неслись заводные танцевальные мелодии.

Нет, это место однозначно ей по душе. И пусть кошелек практически пуст, а в планах пока ни профессии, ни скорого трудоустройства, у нее уже есть дом. Вилла. Особняк. Ее личная резиденция — покои королевы Ланы Первой Далински.

И уже совсем скоро она увидит их собственными глазами.

Переход — это новая жизнь. Прежнее тело, но пустая голова. Память о себе как о человеке, но отсутствие воспоминаний о других — какими они были, зачем? Нет их более, и хорошо. Переход — это, как отдать долги. Все разом. Возможно, раньше ты кого-то любил, но забыл его без сожалений и душевной муки. Друзья? Наслаждался их компанией, но ушел, легко махнув на прощание рукой. Плохой начальник — хороший начальник? Был да сплыл. Коллеги? Найдутся новые, равно, как и новые знакомые, дела, отношения... Переход — это полная свобода: от прежних чувств, радостей и тревог, от накопленного багажа, свобода от себя самого.

И Лана этой свободой наслаждалась в полной мере — шагала по мощенной мраморной плиткой дорожке, раскачивала зажатым в руке легким чемоданом — туда она, кажется, сложила одежду (и благополучно забыла, какую), и, чем ближе подходила к своему новому жилищу, тем больше пьянящих пузырьков ощущала в теле.

Вилла. Ее собственная вилла.

За что начисляют баллы при переходе? За достижения в трудовом или социальном плане? За верно пройденный этап, накопленную мудрость, совершенные в прошлом правильные выборы? За доброту, позитивные мысли, отсутствие ошибок? За что бы их там ни начисляли, вероятно, Лана могла в полной мере гордиться собой, потому что никому (ну, хорошо, почти никому, так ей в этот радостный момент верилось) при переходе не позволяли вселиться в такой роскошный дворец. Должно быть, она умница, красавица, успешная женщина, мастерица на все руки и... просто... Подходящих слов не находилось.

Когда новоиспеченная хозяйка особняка доставала из кармана ключи, ее руки тряслись.

* * *

На вечер бутылку шампанского. И бокалы. И еще нужны чайные и кофейные чашки. Пустые гардеробные она когда-нибудь заполнит одеждой всех цветов и стилей — строгой, элегантной, кокетливой, шальной, вызывающей, — а пока рукой по пустым качающимся плечикам. Нужно обязательно украсить стены парочкой шедевров с морскими пейзажами, купить светильники с витыми ножками, чтобы подходили к мебели, заказать столик для веранды, подушки для кресел, дорогие столовые приборы...

Она опьянела. Без глотка спиртного, даже без воды. Обошла все комнаты, вдохнула аромат спален, гостиных, коридоров, библиотеки, кухни и уютной залы с белым камином внизу... и схлопнулась сознанием. Ошалела от мысли, что владеет всем этим. Что однажды здесь зазвучат голоса ее новых друзей, что именно сюда она будет возвращаться каждый вечер с работы, спать в той самой спальне с розовыми покрывалами. Что сможет допоздна засиживаться в уютном кресле перед плазменным телевизором с книжкой, а после — она сделает это своим новым ритуалом — будет выходить на пляж. Бродить по нему, вдыхать аромат ночи и прибоя, наступать сандалиями на хрупкие раковинки и смотреть на далекие звезды. Сначала в одиночку, а после с кем-то — кем-то родным, близким и очень нужным.

Она будет счастлива.

Лана кое-как вынырнула из полуденных грез. За окном кричали — играли в мяч парни, хлопали по тугому резиновому боку, смеялись. Заливался песней воткнутый прямо в песок магнитофон; мягко облизывали берег спокойные волны.

Замечталась. Совершенно замечталась! Для начала ей нужно лишь самое необходимое —

продукты питания, и, значит, отыскать ближайший магазин. А так же разобрать чемодан, заварить чаю покрепче — для этого купить чашку (по крайней мере, одну) и в первый, самый трепетный раз выйти с ней на балкон.

Крепкая, спортивная, подтянутая. Прежде чем взяться за разбор вещей, Лана долго крутилась перед зеркалом спальни, стоя в одних плавках, водила пальцами по длинным белокурым волосам, придирчиво присматривалась к себе.

Блондинка. Кареглазая. Достаточно высокая, но не дылда, даже на каблуках. Изящная шея, тренированные руки и плечи — любительница активного отдыха, — округлая небольшая грудь с коричневыми сосками, плоский живот, длинные ноги. Бедрa широковаты — что есть, то есть. Интересно, сможет она соперничать с местными красавицами за внимание парней или же, прежде чем обретет на новом месте уверенность, наживет пару комплексов? Нет, это вряд ли. Она не модель, но почти. А кто придирается, идет лесом — в Ла-файе нужно наслаждаться жизнью, а не комплексовать.

В чемодане отыскалось немного: пара светлых брюк, несколько мятых блузок, три юбки — слишком плотных для здешней жары, — один сарафан и пара закрытых туфель-лодочек. Не густо. Похоже, на Четырнадцатом, откуда она недавно прибыла, погода не баловала. И да, сарафан бы для предстоящей прогулки подошел, однако утюга в кладовой не обнаружилось (еще плюс один к списку покупок), и потому пришлось одевать то, что она недавно сняла, — белую полупрозрачную кофточку и коричневую юбку-карандаш. Позже она решит, куда поставить так же привезенные с собой три книжки (не успела прочитать?), мягкую подушку с вышивкой и обнаруженный на дне свой собственный черно-белый портрет, заснятый неизвестным ей теперь фотографом.

Фото удачное — решила оставить.

В тот самый момент, когда Лана решила, что чемодан пуст, закрыла его на замок и поставила ребром, что-то скользнуло по обшивке и тихонько стукнуло о жесткий борт, — пришлось открыть замок еще раз.

Находка ей не нравилась. Совершенно.

Черная картонная коробка; внутри, утопленный в поролон, прозрачный шприц; в шприце жидкость. Игла зловещая, короткая, а сверху на клочке бумаги записка: «Восстанови память». Написано от руки; рядом символ змеи.

Лана смотрела на находку так, как смотрят на черную метку, — с одеревеневшим позвоночником и застывшим сознанием, а еще с неприязнью от того, что что-то сумело испортить солнечный день. Не облако, не дождь, не хамский тон одного из прохожих и даже не сворованный в толпе из сумочки кошелек. Коробка казалась ей чем-то хуже — стальной цепью, которая вдруг протянулась назад во времени и зачем-то соединила ее с прошлым. А с прошлым соединяться не хотелось. Она не могла сказать, почему, но интуитивно не желала его помнить, и потому еще минуту назад так радовалась тому, что, наконец, свободна. От кого, от чего? Не желала помнить. А теперь *должна...*

«Не должна. Выбрось ее в мусорку и забудь. Вон, хоть в море...»

Нет, в море нельзя. Даже выдавить из шприца жидкость — а если там яд?

Или наркотики?

Она судорожно осмотрела сгибы собственных локтей — затянувшихся проколов нет. На бедрах тоже. Куда еще колотся наркоманы? Между пальцами ног? В плечи? В зад? Память

молчала.

Она не наркоманка, нет...

«Интересно, кто писал записку?»

Ручка нашлась в сумочке. Дрожащей рукой, перевернув мятый кассовый чек, найденный там же, Лана быстро нацарапала два слова — «восстанови память». И выдохнула почти что с ужасом — почерк ее. Однозначно.

Солнечный день в ее сознании на несколько секунд померк. Все те же крики ребят за окном, все та же песня и шум прибоя, вот только мир вокруг вдруг сделался хрупким, сюрреалистичным, будто пляжники, океан и волны — всего лишь картина, а за картиной нечто темное, зловещее, покрытое пятнами плесени. И везде паутина.

Ужас. Ей представляется какой-то ужас.

Пришлось встряхнуться. Какая, к черту, разница, кто писал ту записку и почему приложен шприц? Она не хочет знать, что в нем набрано, она не желает понимать, зачем вообще взяла с собой эту ерунду. Нужно все выбросить — просто выбросить и забыть! Делов-то! У нее новая жизнь, новые планы, новое жилье и новое преотличное настроение. И ни одна ерунда — даже такая странная, как найденная в твоём же чемодане картонная коробочка, — не сможет его испортить.

Это не она писала... Это кто-то подделал. И шприц подложил...

Да, это не она. Это какая-то дурацкая шутка!

И вообще — прочь из головы дурные мысли. В конце концов, она вправе решать, делать ей что-то или не делать? И она решила: «не делать».

Прежде чем выйти из дома, Лана бросила коробку обратно в чемодан (выбросит позже — пока даже ведра нет), а чемодан пинком задвинула под кровать.

Все, на выход — под солнечные лучи и навстречу соленому ветру.

Прибрежные лавки торговали все больше сувенирами: коралловыми бусами, ситцевыми шарфами — нежными, голубыми, как океанская вода, — декоративными морскими звездами, отделанными ракушками рамками для памятных фото, магнитами... Вот и кружки все, как одна, были глиняными, тяжелыми, с теснением на боку в виде фонтана на центральной площади и надписью «С курорта Ла-файя». Пить чай на балконе из такой не хотелось.

«Почему змея? И почему стоящая дыбом?»

Под полусонным взглядом продавца, рассматривая не нужную ей блестящую ерунду в виде тарелочек, черепашек с жемчужинами и воткнутых в ткань рыбок-брошек, Лана не заметила, как вновь соскользнула в мысли о найденной в чемодане коробочке.

«Как змея может стоять дыбом? И что вообще такое «дыбы» — какая-то часть тела? Это лошадь может стоять на дыбах, но не змея...» И с какой целью она писала для самой себя то послание?

Разозлившись, что опять думает про записку, Лана оторвалась от созерцания бутылочек с разноцветным морским песком и подошла к продавцу.

— Скажите, а супермаркет где-нибудь поблизости есть?

— Рынок, — отозвался немолодой кудрявый мужчина, загорелый до состояния печной золы. — С фруктами.

— Нет, с продуктами. Нормальными.

Выпуклые глаза с загнутыми кверху длинными ресницами смотрели на нее осоловело и чуть удивленно; вращался под потолком допотопный вентилятор.

— С молоком?

Интересное сравнение.

— Да, с молоком, кефиром, йогуртами, колбасами, хлебом.

Удивительно, что ей приходится объяснять такие простые вещи, — неужели местные питаются только фруктами?

— Есть. Торговый центр. Но до него далеко пешком.

— А если не пешком?

— На автобусе. Четыре остановки.

Прежде чем покинуть лавку, Лана купила карту.

Семьсот двадцать два доллара — деньги она пересчитала еще дома. Теперь же, качаясь в заполненном в основном туристами автобусе, она размышляла, на чем стоит сэкономить в первую очередь. На всем, пока не найдет работу. Коммунальные платежи только через месяц, на продукты, если питаться скромно, хватит. С новой одеждой и необязательными вещами придется повременить — если только шорты... И купальник. Ах да, ей позарез нужен купальник — его почему-то не нашлось в чемодане. Не думала, что попадет на курорт? Скорее, была уверена, что не попадет — Комиссия, по слухам, такие города для переселения на постоянной основе предлагала редко. Но ей повезло.

«Интересно, а как восстанавливают память? Обращаются к запрещенным законом сенсорам? Так ведь это чревато... И денег, наверное, стоит немалых».

Вновь поймав себя на размышлениях о «черной метке», Лана раздраженно сжала челюсти — она не собирается восстанавливать память. Не собирается, и все тут. Ей не о сенсоре думать надо, а о том, какую профессию для изучения выбрать — в постановлении Комиссии говорилось предельно ясно: «Три дня на определение. Если сроки будут превышены, курс более оплаченным считаться не будет...»

А оплаченный курс — это много. Это, считай, подарок с небес. И она сегодня же купит газету с вакансиями, чтобы посмотреть список востребованных специалистов.

«Официантки. Стриптизерши для местных баров. «Намешивательницы» коктейлей — это же курорт...»

Мысль заставила улыбнуться.

Решив, что улыбка адресована ему, стоящий рядом потный жирняк улыбнулся в ответ.

Лана вскинула брови и отвернулась.

После двухчасовой прогулки по торговому центру «Риф», ноги не просто гудели — ноги отчаянно просили отдыха, — однако, не в пример ногам, ликовало настроение — пакеты распирало от покупок. Чайная и кофейная чашки — тончайший фарфор и золотые нити росписи по краю, — ароматный чай в жестяных коробочках, пачка растворимого кофе. К купальникам Лана примерялась особенно тщательно, перемерила их, наверное, штук сто — остановилась на том, который сел идеально, — красном, с мелким жемчугом по краю. Продавцы, несмотря на цену, уверяли — настоящий... Из всего «нужного» она купила лишь одно «ненужное» — косметику. Дороговато, но необходимо — так она расценила. Как можно привлечь красавца-парня, будучи кикиморой? А рассчитывать на то, что омытое солеными брызгами лицо с растекшейся тушью, тоже «прокатит» и привлечет мужчину модельно-брутальной внешности, увы, не приходилось — местные обитатели наверняка разбалованы.

В итоге: минус пятьдесят три доллара из бюджета. Многовато. А что делать?

Все остальное, включая новенькие сандалии, парео, пару полотенец, мыло, шампунь, крем для загара и продукты питания, купленные в супермаркете этажом ниже, обошлось ей дешевле.

Ничего. Первый день. Скоро она сориентируется по местным ценам, определится с курсом, который желает закончить, а после начнет зарабатывать. Хорошо зарабатывать. Чтобы не переполненные автобусы, а своя машина (на худой конец такси), чтобы по выходным устраивать полноценный шопинг, чтобы не отказывать себе в посещении местных ресторанов. А то ведь уже услышала, что в «Легенде Моря» «такие деликатесы — пальчики оближешь! Правда, по двадцать пять баксов за порцию, зато какие омары — о-о-о...»

Ей хотелось омаров. И устриц, и мидий, и лангустов — всего, что предлагали для гурманов местные кухни. Хотелось вдохнуть в себя все запахи, звуки и ощущения, которые только могла предложить туристу Ла-файя — все самое лучшее, волшебное, возможно, если повезет, самое дорогое.

А еще отчаянно хотелось пить.

Заприметив неподалеку киоск с журналами и газетами, Лана перебросила из руки в руку пакеты и направилась в его сторону.

Фонтан в центре площади был меньше того, что изображали на магнитах с названием курорта, однако туристов привлекал не меньше. Те теснились вокруг него — старые и молодые, — совали в нагретую воду руки, несколько секунд держали их там, после кидали на дно монетки. Лана наблюдала за ритуалом с лавки. Сонно и ленно, отдыхая под жарким солнцем, размышляла, стоит ли и ей побултыхать в бассейне из мраморной чаши пальцами — авось сбудется, что загадает?

Вот только что загадывать? Все есть. Жилье, продукты, хорошее настроение. Может, пожелать встречу с правильным мужчиной? Это да, это можно. Но только сначала даст отдых ногам, а то, как представишь, что натертые пятки снова в сандалии, то хоть сиди до вечера...

Она купила сок в прозрачном пластиковом стакане. Выбрала арбузный — выжимали при ней. Даже треугольник с красной мякотью протянули на пробу — сладкий-сладкий. В стаканчик бросили по ее просьбе пару кубиков льда, и теперь они медленно таяли жидкой лужицей в обрамлении густой розовой перемолотой в кашу мякоти. Вкуснота.

Дробью щелкали неугомонные затворы камер — отсюда в разных направлениях поедут по домам памятные фото в рамках из ракушек с надписью «Я был в Ла-файе».

«А я живу в Ла-файе», — думалось Лане со странной смесью восторга и удивления.

Сфотографироваться на фоне местных достопримечательностей она сможет в любой момент — в утреннем свете, в закатном, а вовсе не в дневном, когда лица под панамками получаются темными, а свет на фоне резким, почти слепящим. Осталось заглянуть в карту.

Рядом с соком, уже покрытая стекающими со стакана каплями конденсата, лежала сложенная вчетверо газета — открывать и читать ее было лень. Еще три дня. Вечером прочитает или завтра утром. Прочитает, успеет.

Хохотали, буравя воду пальцами фонтана, туристы; деловито прогуливались, ловко обходя ботинки, сандалии и сланцы, серые с зеленоватой шеей голуби — ворковали, вопросительно посматривали на тех, кто что-то жевал. Поглядывали в сторону Ланы парни — то один, то другой. От внимания она жмурилась, как кошка, делала вид, что не заинтересована в знакомствах (ни к чему сразу сбивать себе цену), потягивала напиток и, приняв позу величественной леди с прямой спиной и изящным поворотом головы, искоса

смотрела в ответ все на тех же парней.

Вот этот загорелый дочерна блондин с выжженными солнцем волосами очень даже ничего — ноги крепкие, раскаченные, улыбка широкая, глаза веселые... Да и статный брюнет в маечке не уступает — сидит, глаз с нее не сводит. Может, согласиться выпить с кем-нибудь кофе? Вот они удивятся, когда на вопрос: «А вы откуда?», прозвучит ответ: «У меня вилла на побережье...» И сразу недоверие в глазах, а она гордо с улыбкой — «А то!»...

Равномерный ход ее плавленных, как сахар в сковороде, мыслей прервал шум — кто-то громко вскрикнул, — и волна людских голов, как по команде, развернулась на звук: упал несущийся по объездной дорожке спортсмен на роликах. Каска с его головы не слетела — удержали ремешки, — наколенники спасли ноги от удара, — а вот ладони расшиблись и кровили. Одетый в оранжевую майку с номером пять на груди парень расстроено смотрел туда, куда убегал толкнувший его человек.

— Эй, ты! Слепой, что ли?!

Толпа временно забыла фонтан: одни смотрели на пострадавшего, другие на его причину — одетого в слишком теплую для такого жаркого дня кофту, гетры и кроссовки мужчину. Последнего Лана рассмотрела лишь мельком — нервный, потный, несущийся так, будто спасался от банды вымогателей, — он хрипел и расталкивал народ.

«Сумасшедший какой-то. Может, пьяный?»

— Куда несешься?

— Эй, вы повежливее! — звучали из-за ее спины возмущенные голоса.

— Может, в дурку его?

Туристы гудели, как растормошенный улей; Лана смотрела на неуклюже поднимающегося с асфальта спортсмена — вроде не сильно расшибся. Она всегда волновалась, когда кто-то падал и получал травмы, почему-то представляла, как больно было бы ей самой, если вот так.

— Может, скорую?

— Не нужно.

— Ваша сумка...

— Спасибо.

Парень в оранжевой майке что-то собирал с земли.

Она не услышала, когда позади лавки зашуршали кусты. Слишком обеспокоенная состоянием человека на роликах, не увидела того, как из-за ее спины на несколько секунд показался виновник недавнего происшествия, не заметила, как он влил в ее стакан с соком содержимое блеснувшей в свете солнечных лучей ампулы.

Дураки — они в любом месте дураки. Одни напиваются, другие хамят, третьи толкаются без причины. Хорошо, что только пара царапин на ладонях, а если бы перелом?

Для спортсмена в оранжевой майке все закончилось более-менее благополучно, но, шагая на остановку, Лана все еще возмущенно пыхтела — а если бы сотрясение мозга? И зачем в такую жару пялить на себя теплую кофту? Она потела и в блузке.

Остатки сока показались ей странными на вкус — перестоял на солнце? Или, может, арбуз попался переспелый? Так, вроде, пробовала.

Решив, что больше напитков у того же самого продавца брать не будет, она как раз успела к остановке в тот самый момент, когда к ней подъехал разукрашенный рекламой коктейля «Халфайя — новый вкус счастья!» автобус. На ее собственное счастье — не

переполненный.

Ее клонило в сон.

Неслись за окном пейзажи: сначала городские, затем пригородные, после и вовсе усеянные телами отдыхающих пляжи. Лежаки, зонтики, белизна песка, бескрайняя лазурь. Обилие кафешек источало переплетающуюся между собой какофонию ароматов: жареной рыбы, теста, горелого масла и печеных бананов. Пахло солью, моллюсками и бензином в салоне; вдоль дорог то и дело попадались затянутые в обтягивающие до непристойности и походящие на вторую кожу костюмы серферы с досками. Обычный день для здешних мест. Жара.

Лана не пропустила свою остановку лишь потому, что звякнули о пол бутылки в пакете — пакете, который случайно выскользнул из ее пальцев.

Дома она отключилась прямо на диване в гостиной — сразу после того, как выгрузила молочку в холодильник.

* * *

— Ты ведь знаешь, что я хорошо владею ножом? Знаешь?

Требовательный вопрос — нельзя не ответить.

— З-знаю.

— И знаешь, что, если ты не скажешь мне, где ампула, я вспорю тебе живот и намотаю твои собственные кишки тебе на шею?

Дика Хартмана трясло. Зря он взялся за эту работенку, зря. Но ведь и куш обещали немалый — двадцать пять кусков за перехват курьера и за то, чтобы отобрать у того поясной ремень. Всего-то. Жаль, что наниматель забыл предупредить о том, что курьер вез ампулу не кому-то, а Мо Кассару. Тому самому Мо, который в последние три месяца не вылезал из бойцовских клубов и бил там все, что движется, — срывал злость, как поговаривали. Или развлекался. Или зарабатывал на жизнь. Навряд ли последнее, ибо Мо до того, как продал свой завод, заработал столько, что такому, как Хартман, точно хватило бы на пару-тройку Уровней.

— Мистер Кассар...

— Не заговаривай. Мне. Зубы.

Черные волосы, черные глаза и сжатые в полоску губы. Дьявол. Такой точно что-нибудь вспорет и глазом не моргнет.

— У меня ее нет.

Сохло горло, сохли губы. Болела разбитая скула, хотелось пить. Дик постоянно мерз — черт бы подрал ту отраву, которую он согласился выкурить накануне с приятелем в баре. Если бы ни она, он бы не попался так глупо, не сидел бы сейчас в подвале на стуле, не молился о том, чтобы как можно скорее вновь увидеть солнечный свет тем глазом, который еще не заплыл. Чемпион по бегу, называется. Горе-чемпион. Просрал ампулу, просрал легкие, как казалось еще вчера, деньги.

— Где она?

Соврать, что вылил? Потерял? Мо точно знает, что Хартман перехватил ее, — кто-то донес. Случайно выронил? Кассар будет пытаться его — Создатель свидетель, одного взгляда

на зловещее выражение его лица достаточно, чтобы перестать в этом сомневаться. А Дик боялся переломов: ноги — это его все. Его деньги, его работа, его еда.

— Я в последний раз спрашиваю — где ампула?

Да что в ней было такого ценного? Почему Адам Грегори согласился выложить за нее четверть сотни долларов, а Мо — он же Марио (но не дай Господь назвать его этим именем) был готов за нее убить?

Хозяин дома злился так, что в подвале трещал от напряжения воздух. Пленник, не отрываясь, смотрел ему на руки — на вздутые бугры бицепсов и часть татуировки, виднеющуюся из-под рукава футболки. Железные бицепсы. Стальные. И, если на шею сожмутся пальцы, то уже не разожмутся — Мо слишком зол. Двадцать пять кусков — это, конечно, здорово — вот бы порадовалась Дженна, — но жизни они не стоят.

Хартман пошевелил затекшими от тугих веревок запястьями.

— Я ее... вылил.

— Она же была закрыта?!

— Отломил горлышко. И вылил.

— На землю?! — взревели так, что он вздрогнул и вжал шею в плечи.

Его закопают тут же. В подвале. Присыплют земелькой, кинут сверху доски, и забудут, как звали.

— Девке. Какой-то девке.

— Девке?

— Да, в стакан с соком.

— Что?

Кажется, от ответа опешил даже Кассар. Вот только проступили и заходили на его щеках желваки, вздулись на шее вены, и сжались в кулаки пальцы. Нет, не к добру. Изобьет. Или не сдержится — убьет...

И хриплый вопрос следом:

— Зачем?

Зачем? Создатель свидетель, Хартман и сам не знал — зачем. Запаниковал. Захотел избавиться от «груза», ступил, побоялся выплеснуть содержимое на землю — вдруг то как-то можно было использовать, если оно... в человеке? А в девке, лучше, чем в мужике. Девки стоворчивее, на них проще давить, если придется... Глупые объяснения, нелогичные — лучше бы просто отдал, ей Богу. Но на логику после вчерашней обкурки уповать не приходилось. А ведь Нэт убеждал: «Не наркота. Это просто трава для настроения. Без побочки...» Да, без побочки. Если не считать последствием тот факт, что температура тела Дика почему-то упала до тридцати двух с половиной градусов, отчего последнего постоянно трясло — не спасала ни жара, ни одежда, ни принятые после лекарства. Говеное стечение обстоятельств. А теперь еще и Марио... Хартман решил, что уйти из дома Кассара живым, будет его главным и самым лучшим достижением на сегодня, а, может, и на всю оставшуюся жизнь.

— Я вылил его девке, которая сидела на лавке, — забормотал он быстро и невнятно. — Она меня не видела. В сок. Я не запомнил ее лицо, но, если будут записи с видеокамер, я покажу. С белыми волосами такая... молодая.

— Девке... — обреченно повторил Кассар, опустил лицо, а после молчал так долго, что привязанный к стулу человек начал молиться. Что-то зависело от этой ампулы для Мо, что-то очень важное. Как и для Грегори. Как будто сама жизнь. И Хартман все испортил, потому

что девка — нет, девка не вариант. Все. Конец. Наверное, это конец... Ведь так бывает?

Я не попрощался с Дженни...

Тоскливая мысль, одинокая. Спустя минуту Дик почувствовал, что еще немного, и он заплачет — не выдержат нервы. Мужик, и расклеится. Потому что, когда рядом смерть, не важно, кто ты — мужик, собака или баран, — умирать не охота никому. И, когда в подвале вновь зазвучала речь, Хартман ощутил, как в его теле как будто развязался проходящий сквозь внутренности стальной канат:

— Я найду записи с видеокамер, и ты покажешь мне ее. Понял? И не дай Господь ты ошибешься...

— Я не ошибусь, — сиплый выдох облегчения. — Не ошибусь!

* * *

За Формулу он отдал Химику сумму с шестью нулями — солидные деньги. Но дело не в них, а в том, что после этого Химик — гениальный человек, способный изобрести неизобретаемое, — исчез. Поговаривали, что его завербовала для работы в своей лаборатории Комиссия. А, может, они просто нагрянули за ним для того, чтобы способная останавливать время Формула, не досталась простым смертным.

Одна ампула. Одна попытка, один шанс.

И гонялись за ней наверняка не только они с Грегори, но и другие «розеточники». А все потому, что Химик однажды неосторожно поделился в своем блоге фразой: «Не замедляет время, как таковое, но ускоряет его восприятие разумом. Позволяет человеку видеть энергетический фон объектов, в том числе излучаемые ими короткие и длинные волны...» И все — этой фразой он подписал себе путевку не то на пьедестал в число избранных индивидуумов, которых нанимали люди в серебристой форме^[1], не то в иной мир. Так или иначе, Марио оказался первым и единственным человеком, успевшим связаться с гениальным изобретателем до того, как тот пропал.

Успел заказать ампулу, успел купить себе надежду.

И успел ее потерять.

Черт, как изменчив мир.

Ночь вышла для него бессонной.

Записи с видеокамер пришли лишь к десяти вечера — пока подключил связи, пока связи задействовали свои связи, — после почти час ушел на их просмотр и поиск объекта. Когда Хартман, наконец, постучал трясущимся пальцем по экрану и уверенно заявил: «Это она, видите? Я у нее за спиной из кустов сейчас покажусь», — Кассар в ответ на вопрос «теперь вы меня отпустите?» покачал головой. И поставил горе-бегуну укол — ввел раствора «Гертракс» ровно столько, чтобы хватило на две — две с половиной недели. Самолично погрузил пленника в машину, доставил до ближайшей больницы, соврал дежурной бригаде, что нашел бедолагу под кустом в парке. Ему поверили.

Домой ехал в тишине.

«Гертракс» превращал людей в «овощей», вводил их в кому. К счастью, в обратимую. И пока человек лежал без сознания, его память не смог бы прочитать ни один самый могучий сенсор — та намертво блокировалась. И хорошо, как раз то, что нужно пока для Хартмана.

Иначе запытают. Один за другим будут присылать к нему мучителей, чтобы выведать то, что сегодня узнал Марио, и тогда сломанные колени покажутся Дику наименьшей из бед. А после начнется охота на девку — вот уж чего нельзя допустить.

Сколько в Ла-файе «розеточников»? Двое? Трое? Может, с десяток? А на всем Уровне? Достаточно для того, чтобы окончательно испортить ей жизнь, а у него отобрать шанс попытаться выжить спустя две недели.

Домой Кассар вернулся усталый, но спокойный. Долго сидел перед компьютером, ждал, пока один из друзей выяснит по фотографии фамилию и имя «счастливицы», выпившей сегодня предназначенную не для нее жидкость, гадал, как подкатить, что сказать. Напугать? Подкупить? Рассказать правду? Как заставить ее захотеть сотрудничать с ним? Потому что ей теперь придется, так как выбора нет у него, а, значит, и у нее.

Другой бы на его месте покачал головой — жаль ее. Третий бы ныл — жаль себя.

Кассару, который стоял в ванной перед зеркалом в четыре утра, не было жаль никого — разучился. Он все еще чувствовал — и многое, — но проклятый камень день за днем высасывал из него жизнь.

Оникс. В прошлый раз ему попался именно он, задав срок жизни на сорок четыре дня. И, если в этот раз снова попадется какая-нибудь хрень типа аметиста, рубина или топаза, то лучше сразу в петлю, потому что жить, не живя, Мо больше не хотел. Устал.

Из зеркала на него смотрело осунувшееся лицо с черными, как ночь, зрачками, темными кругами под глазами, чуть свернутым в сторону носом и обветренными губами. Да, он изменился. Раньше: бизнес, стильные короткие стрижки, пиджаки, брюки со стрелками, а теперь майки, волосы по плечи и отросшая до состояния короткой бороды щетина.

И в запасе две недели.

Главное, чтобы ее имя и адрес прислали до утра.

Частный пляж посторонних не пускал, и немногочисленные еще в этот ранний час туристы посматривали на Лану с завистью. Еще бы — свои собственные пятьдесят метров белоснежного песка, а дальше — отделенная врезавшейся в океан косой, прикрытая кустами, как стеснительная обнаженная красавица волосами, бухта. В такой плещись хоть днем, хоть ночью, хоть в купальнике, хоть голый — одним словом «свое».

При приближении чужаков к частной территории, энергетическая загородка мерцала и издавала низкое гудение — не страшное, но предупреждающее. Попробуешь пройти насквозь, током не ударит, но и внутрь не пустит. Она — эта загородка — существовала больше для видимости и легко обходилась либо со стороны дома, либо вплавь по морю, однако туристы приватные владения уважали и сунуться в запретную зону, несмотря на обилие свободного места, не пытались. У гудящей калитки какое-то время стоял торговец в цветастой рубахе и шляпе, держал навешанные на руку коралловые бусы и все рекламировал: «красные длинные по пятнадцать, желтые по десять, оранжевые по семь с половиной», — но Лана сделала вид, что дремлет. Спустя какое-то время, не дождавшись отклика, торговец ушел — вместе с ним растворилась и речь о том, что «красные по пятнадцать...»

Время к десяти, солнце по дуге все ближе к пику.

Лана кайфовала.

Песок нежно грел спину сквозь полотенце (а нагреется сильнее — под пальмой есть лежак), пятки уютно примостились в две вырытые ямочки, через слой защитного крема впитывало целебные лучи расслабленное тело. Ласкал слух мирный прибой, шурша, растворялись оставленные волнами пузырьки пены — лепота.

С самого утра она, как и мечтала накануне, заварила чай в новой чашке и вышла с ней на балкон. И почувствовала то, что мечтает ощутить каждый человек, наконец-то догнавший свою мечту, — счастье. Прямо по курсу бескрайний океан, справа пальмы, слева раскатавшийся вдаль на километры рукав пляжной косы. И это не заставка на экране монитора, не прошлогоднее фото, о котором вздыхаешь «как жаль, что прошло», и даже не отель. Это ее вилла, и ее новая жизнь, в которой она, слава Богу, чувствует себя замечательно.

Да, сегодня замечательно. А вот вчера почему-то мутило. То клонило в сон, то поколачивало, то наваливалась вдруг такая усталость, что не доползти до кухни, а один раз даже пришлось посидеть в туалете и вылить содержимое кишечника в унитаз. Ладно, случается.

Все это Лана списала на последствия Перехода — наверное, не хватило сил. Новое место, климат, впечатления. Незнакомая еда, стресс — да мало ли что... Главное, что утром она проснулась свежей и непривычно бодрой, успела еще раз обойти дом и совершить более подробную ревизию объектов — «это есть, этого нет...». По-человечески позавтракала, мурлыкая мелодию, выгладила сарафан, выставила в ряд у порога новую обувь. А после долго наслаждалась теплым полом балкона, ароматом чая с тропическими фруктами, шурилась от бликов — океан под солнцем сверкал солнечными стразами — и все вдыхала, вдыхала, вдыхала напоенный солью воздух. И не верила самой себе.

К обеду она накупалась так, что на воду смотреть не могла — заходила в нее дважды и оба раза не вылезала минут по сорок-пятьдесят. То неслась брасом наперегонки с волнами, то безмятежно качалась на спине, жмурясь и слизывая с губ соленые брызги, то подплывала туда, где помельче и можно встать, и подолгу рассматривала испещренное барханами дно — другой мир. Мелькали вокруг ног мелкие рыбешки, иногда тыкались в кожу круглыми ртами, смешно щекотали икры и голени — Лана так и не поняла — голодные или любопытные?

А к часу оголодала так, что прилип к спине желудок. Пришлось сложить собрать вещи и отправиться на поиски пропитания.

Конечно, вернуться домой и наvertеться бутербродами и чаем с печеньем было бы дешевле, но душа просила разлета — новых вкусов, запахов и эмоций. Ну, купит она один шашлычок из креветок на гриле — ведь не убудет от бюджета так, чтобы потом жалеть? Нет. Тогда к чему сомненья? А заодно и посмотрит на окрестные территории.

Легкую и вместительную летнюю сумку, разрисованную чайками и корабликами, она купила у первого встреченного на пути продавца. У второго приобрела соломенную шляпу, солнцезащитные очки, удивительно ей, судя по отражению в маленьком заляпанном зеркале, идущие. Все за дешево. Порадовалась, похвалила себя за выбор и за экономию. И теперь, наметая при каждом шаге в шлепки не теплого, но раскаленного уже песка, пробиралась через общественную территорию — огибала многочисленные сухие и сырые полотенца, раскладные стульчики, зонты, переступала через брошенную, где придется, обувь.

Чего здесь только ни делали: читали, выливали на спины, бедра и плечи тонны жирного крема, слушали музыку, облизывали, откусывали и обсасывали всех видов и цветов пломбиры. Пробирались к морю, от моря, бродили наискосок. Сидели по одному, парами, группами — молодые, старые, зрелые, незрелые и в самом расцвете сил. Блондины и блондинки, темноволосые, рыжие и даже лысые; некоторые дамы, намеренно привлекая к себе внимание, спустили верхнюю часть купальников до ореолов сосков. Некоторые еще ниже.

Как хорошо, однако, иметь свою территорию — истинный смысл значения слова «частный» и его прелесть Лане, наверное, открылись только теперь, когда она увидела, во что превращаются окрестные территории к обеду. И ведь солнце жарит вовсю, а приезжие лишь прикрывают обожженные докрасна места и навязчиво липнут к занятому еще с утра пятачку перед кусочком счастья — океаном.

И все потому, что скоро уезжать. Кому-то через две недели, кому-то через семь-десять дней, а кому-то уже завтра. И как не надышишься свободой перед смертью, так не насмотришься всего за сутки (да пусть даже за дюжину) на игривый прибой, который ласкал берег до них, который будет это делать после них. Океан вечен. И всегда короток даже самый длинный отпуск.

А ей можно остаться. Не томиться грустью, пытаюсь утрамбовать в чемодан миллион и один сувенир, не толкаться в очередях к кассе за билетом, не маяться в ожидании поезда, автобуса или самолета, не врать по пути в родной город соседу, что «в следующем году я обязательно вернусь сюда снова». Прибой встретит ее ласковым плеском и завтра, и послезавтра, и через две недели.

В думах, она не заметила, как наступила на пустую пивную бутылку — пошатнулась, неуклюже взмахнула руками, едва удержала равновесие — перед ней «за мусор» извинился молодой конопатый парень с тонкими, выглядывающими из шорт, как спички, ногами и

лысой грудью.

Лана кивнула. И тут же подумала о том, что частный пляж — это еще и такое место, где никто, кроме нее, никогда не раскидает стеклотару, не наплюет кожурок и не набросает под пальму шоколадных оберток и царапучих крышек от лимонадных бутылок.

И да, это стоило всего того, чего она лишилась, избрав во владение виллу. Однозначно стоило.

Кафе она выбрала не из ближних — примитивных прямоугольных будок с тремя стенами и соломенной крышей, где не торговали ничем, кроме слоеных гамбургеров, картошки и мороженого, и к которым вся местная братия стекалась за пивом. Метров через триста от самого запруженного городского пляжа нашелся другой — не частный, но платный, — куда ее почему-то пропустила энергетическая калитка.

Может, пляж для «своих»? Местных, а не приезжих? Сие осталось загадкой, но Лана вдруг попала туда, куда хотела: на место в меру запруженное, с чистым просеянным мусором песком и со стоящим поодаль полноценным баром. И музыкой, в которой сплетения звуков маримбы и гитары пахли пестрыми рубашками, белыми ожерельями цветов на шее и самым что ни на есть летним настроением.

Морские гады, даже приготовленные, кусались — ценами. Из некусачих нашлось только одно блюдо — «Дары Фенеи», — и Лана откровенно боялась разочароваться. Для нее и пять-то долларов пока большие деньги, но ведь первый день (вчерашний не в счет), один раз можно. Коктейль уже не потянула — те начинались от восьми баксов, — а вот манговый сок оказался на удивление дешевым — доллар двадцать. Его и взяла.

Ласковый бриз, крики чаек и режущие гребни волн поперек шумные скутеры — в конце пляжа устроился прокат. Перед баром играли в мяч загорелые ребята, и Лана, пока не принесли еду, с интересом за ними наблюдала.

А после — о Боги Моря! — хрустящие кольца кальмаров в кляре, кальмары в масле и с чесноком, гигантские креветки на гриле с лимонным соком — и это всего за пять долларов? А что же тогда предлагают за десять, пятнадцать, тридцать долларов? Каков вкус наслаждения, облитый подливой из пряных трав и морского нектара? Она просто обязана все перепробовать — наведываться сюда каждый день и заказывать что-нибудь новое. Или раз в неделю. В месяц?

Угу, как только найдет работу...

Мысли об оставленных дома газетах, которые стоило взять с собой, потянули за собой и другие — о вчерашней находке. Но сегодня, в свете нового дня, непонятный шприц и приложенная к нему записка воспринимались иначе — обычным выбором, который предстояло сделать. Поддаться собственной (или не собственной?) просьбе и восстановить память? Или же попросту выкинуть коробку? Выдавить из шприца жидкость и зарыть все на заднем дворе... К чему проблемы? Для чего? Вчерашний день на то и вчерашний, чтобы оставить его позади, а она «перешла». Удалилась с четырнадцатого Уровня, обосновалась на пятнадцатом и благополучно обо всем забыла. Все. Точка. Ни к чему ворошить.

Но в затылке все равно скребло.

Почему змея? Зачем писала послание? А вдруг все это действительно важно, и она попросту сольет собственный призыв в ведро с помоями? Не случится ли тогда фатальной ошибки, которую невозможно будет исправить после?

Черт, сложно...

Мысли о рисунке-змее делали тени от людей и зонтов темнее, океан равнодушным, а день слишком солнечным. Ненастоящим.

Чтобы не портить себе вкус от еды, Лана насильно выпихнула из головы образ коробки, зловещего шприца и записки, сосредоточила внимание на тарелке, где осталось еще два недоеденных колечка — *божественный все-таки кляр*, — и заставила себя вслушаться в музыку.

* * *

Вероятно, если бы ни эта странность — удивительное происшествие, случившееся с ней у выхода с платного пляжа, — Лана сочла бы сегодняшний день обычным. Чуть более жарким и чуть более пересыщенным новыми впечатлениями, но все-таки обычным.

Но странность приключилась: кто-то запустил вертолет. Тяжелый, пластиково-металлический, с широкими лопастями винта и синей полоской, идущей от дверей до самого кончика хвоста. Поначалу игрушка, ведомая умелым парнем, держащим пульт и задорно глядящим в небо, совершала изящные пируэты над головами игроков в мяч — парила, жужжа мотором, то влево, то вправо, то вдруг взмывала вверх и становилась похожей не то на точку, не то на далекую птицу.

А после пульт у своего кавалера попросила дама сердца:

— Ну, дай!

— Ты не умеешь.

— Я попробую.

— Джен...

— Ну, дай!

Голос плаксивый, обиженный. Парень сдался спустя еще четыре «да-а-ай!» — одно другого жалостливее, — протянул пульт:

— Только чуть-чуть.

— Я недолго.

И девица, обрадовавшись, принялась дергать джойстики так неистово, как тянет за плюшевую лапу, силясь отобрать мишку, разыгравшийся не в меру щенок.

И вертолет понесло.

Пока пронзительный визг мотора, напоминавший звук бора в стоматологическом кабинете, слышался далеко, Лана не обращала на него внимания, но когда он начал стремительно приближаться — громче-громче-громче, — она резко развернулась и обмерла — вертолет с устрашающей скоростью несся прямо на нее.

— Джен! Отда-а-ай!

Раздраженный крик, плеск волн, музыка из бара — все смешалось в единый гул и перестало существовать. Расширились зрачки, сбилось дыхание, громко стукнуло о грудную клетку сердце — Лана резко втянула воздух, сфокусировалась, пытаясь решить, в какую сторону уклониться от угрозы, и вдруг... время застыло. Залипло, будто сломался кинопроектор, показывающий жизнь, и на экране высветился один-единственный кадр — тот самый, на котором застопорилась пленка: ребристый от волн океан, повернутые в ее сторону головы парней, играющих в мяч, — на лицах удивление и тревога, — перекошенный

рот темноволосого парнишки — обладателя пульта, — наклоненные от ветра листья пальм. Недвижимые.

И вертолет. Он замер так же, как и все остальное, — завис в паре метров чуть выше ее лица, — и теперь она могла рассмотреть ее во всех подробностях: стекло кабины, цифру четыре на выпуклой морде, стальной цвет лопастей, металлические полозья...

Если такими по голове или по лицу, да на скорости, то ссадин, а то и шрамов, не избежать.

От страха звук удара сердца растянулся в сплошной фон — превратился в странный гул, смешавшийся с повторяющейся секундой из звуков шума прибой, щипка струны гитары и ленты беззвучного крика соседа Джен — странный гул, тошнотворный. Лану от него мутило. В то время, как зрачки ее собственных глаз не двигались, сознание металось по застывшему пейзажу с суматошной скоростью — отмечало детали, ужасалось ясности, успевало их анализировать и делать выводы.

Бред. Но летательный аппарат продолжал висеть в одной точке пространства.

Гул в ушах длился и длился; океан перестал кидать на берег волны, чужие конечности двигаться, стих бриз — Лана выпала из общей картины жизни и зависла в одном из ее короткотечных, почему-то растянувшихся длиною в вечность моменте. Ее тело не шевелилось. Нет, шевелилось, но так же медленно, как и лопасти висящей перед лицом модельки, — один поворот вокруг оси в час.

И тогда, едва понимая, что делает, она усилием воли заставила себя вытянуть вперед правую руку — ту самую, которая не держала пляжную сумку. Секунда — сдвиг на миллиметр, еще секунда — сдвиг еще чуть-чуть... Полминуты — рука поднялась выше, согнулась в локте. Приближалась к лицу и вертушка. Лана только теперь сообразила, что мир вокруг нее не застыл окончательно, но он... замедлился. Скорость, с которой он теперь «жил», позволила бы ей, двигайся она в обычном режиме, несколько раз вставить и вытащить палец меж лопастями, коснуться гладкого бока, отойти в сторону, удалиться от этого пляжа метров на пятьдесят, а то и сто.

Прошел, вероятно, час до того, как поднялась на нужную высоту ее рука — час в сознании и пара секунд в обычной жизни. А стоило осознать: «все, теперь я его схвачу», как время отмерло — ощутило, что «можно», — и моментально обрушился звуками мир. Зашипел прибой, заголосили игроки с мячом, прокричал «совсем дура, что ли?! Направила на человека!» косоротый до того парень. Все задвигалось, зашелестело, отмерло.

Играла музыка, тихо всхлипывала Джен — она больше не будет! Никогда-никогда больше не дотронется до дурацкого пульта; лилась, как и прежде, из висящих в баре колонок маримба.

Лана держала вертолет в руке.

Она не сломала его — аккуратно сомкнула пальцы точно в том месте, в котором рассчитывала — между крышей и винтом, на оси.

— Вы простите ее... нас... Мы не хотели вас... калечить.

К ней, все еще ошарашенной, подбежал «кавалер», на шее которого от нервного напряжения проступили красные пятна.

— Вы извините, ладно? Мы будем осторожнее. Вообще его больше сюда не возьмем.

Лана деревянно кивнула и протянула хозяину летательный аппарат. Развернулась, закинула сумку на плечо и неуверенно зашагала прочь.

Домой она добралась, не замечая ни пляжников, ни их разбросанных по песку тапок. Все шагала и ждала — а не случится ли снова? Чувствовала себя так, будто нырнула на глубину, провела под водой сутки, а теперь вынырнула и обнаружила, что все еще способна дышать.

Вот только нырять больше не хотелось.

Какой-то побочный эффект... от чего? Перегрелась на солнце? Напилась перебродившего сока? Но ведь нет! Сок был свежим, вкусным — его выжимали при ней, — даже фрукты выбирала сама.

Может... от страха? Наверняка. Сыграло шутку сознание, ведь пишут же, что люди в момент смертельной опасности обнаруживают вдруг у себя странные способности — прыгают через двухметровый забор, бегут стометровку за рекордно короткий отрезок времени, находятся в холодной воде дольше, чем человек в обычном состоянии смог бы.

Да, конечно, — вот и ответ. Ее голова просто включила необычный режим — почувствовала, что беды не миновать, и... замедлила время.

Как странно. Как необычно.

И, наверное, полезно.

Чтобы вернуть сознанию ощущение стабильности, и душе спокойствия, Лана почти два часа занималась обыденными делами — вытирала несуществующую пыль, помыла и без того чистые полы на кухне и коридорах, перебрала немногочисленную посуду в шкафах — раз пятнадцать сдвинула влево и вправо по решетке две кружки — одну кофейную и одну чайную. Сообразила, что забыла купить тарелки. Перестелила постель, вытащила из-под кровати чемодан, достала коробку со шприцом — хотела вылить содержимое в раковину, но почему-то вновь не решилась — вернула все на место.

А после заварила чай, взяла со стола газету, развернула на разделе «Требуются» и принялась читать.

«Менеджер по работе с клиентами, продавец-консультант женской одежды, оператор службы такси, дежурный механик, медсестра...» — вакансии в Ла-файе оказались типичными и до боли знакомыми — такими же, как и в любом другом городе. Ни о каких «стриптизершах», «коктейльщицах» и «танцовщицах в клуб» речи не велось, и Лана отчего-то испытала облегчение, смешанное с разочарованием. Все равно — курорт, и все равно будут отличия.

Отхлебнула чаю.

«А что, если подобный эффект можно вызывать по желанию? — прокралась между строчками газетного текста шальная мысль. — Взять и затормозить время, когда хочется, а не когда страшно?»

Глупость. Нереально, быть такого не может. Нормальные люди усилием воли время не тормозят.

Но ведь один раз получилось?

«...Специалист для работы в салоне сотовой связи, рекрутер, курьер, маркировщица, работник торгового зала...»

Нет, ни в каком торговом зале ей сидеть не хотелось. Да и зарплата значилась смешная — двести семьдесят долларов в месяц. Ей таких денег хватит только на еду и коммунальные платежи, а о ресторанах придется надолго забыть.

А если бы время не остановилось, что случилось бы с ней?

Строчки вакансий вновь расплылись перед глазами. Вероятно, лопасти врезались бы ей прямо в лоб. Или кабина. В воображении всплыл висящий перед лицом вертолет — блик на стекле, цифра четыре, синяя полоса — яркая до невозможности. Наверное, сейчас она могла бы шагать домой, прижимая к виску окровавленный платок, или вовсе катить в больницу. А в ушах продолжали бы звучать извинения того парня, который, в общем-то, не виноват — хотел поиграть. Вот только подружке пульт давать не стоило. Теперь и не даст.

Но вдруг все-таки можно?

Страх страхом, но Лане до дрожи в коленях вдруг захотелось иметь возможность совершать «времязамедление» по желанию и любоваться пейзажем — таким, каким его никто не видит, — застывшим. И одно дело — фотография, а другое, когда наяву. И следом за мыслями накатил знакомая тошнота — вспомнился гул в ушах: смесь звуков из музыки, прибоя, ветра и крика. Странный гул — неживой, — какой получился бы, запиши она все на магнитофон, а после выкуси из записи секунду воспроизведенной какофонии и растяни ее на час. Отвратный, в общем. Да и тело в тот момент ощущалось не лучше — с одной стороны, тяжелым и громоздким, с другой стороны, таким, как если бы его — тела — не существовало вовсе. А разум парил. Смесь тяжести и невесомости.

— Гиря в космосе...

Сравнение заставило Лану невесело улыбнуться; газета не читалась.

«У меня еще два дня...»

Но, если она протянет с выбором еще хоть сутки, потом придется выбирать галопом — как говорится, «на что укажет палец».

Согласная с доводами логики, Лана все же отложила изучение вакансий, откинулась на стуле и стала смотреть в окно — туда, где лазурное небо чертило границу с синевой моря.

Размеренно шумел снаружи прибой — шумел и не замирал.

А спустя полчаса она вновь сидела на пляже — к черту газету! — и глазела на волны. Легкомысленная? Может быть. Но пока свежи в памяти недавние ощущения, почему бы не попробовать — а вдруг получится? Если время замедлится вновь, если станут понятны спусковые крючки неведомого механизма, не изменится ли в корне ее жизнь? И тогда прощай скучные перспективы — пыльная работа на складах, в магазинах, офисах: что, если она — Лана — станет уникальным специалистом, востребованным в любой области?

«Зарплата? Просите любую! Вы, мисс Далински, незаменимы...»

Мечты? Реальность?

Лана фокусировалась на лазурной воде до боли в висках — бурила волны взглядом, мысленно приказывала ей замереть, представляла, что ей вновь грозит опасность, силилась соскользнуть в непривычное, но витающее на задворках памяти ощущение тяжелой невесомости.

Волны катились ей навстречу, облизывали песок, шипя, отползали обратно.

Тикали секундами неслышные часы, маятник которых ходил из стороны в сторону.

Может, ей нужен объект подинамичнее?

* * *

Депрессия. Она накатывала на Марио всякий раз, когда он приближался к океану.

Танцевальная музыка, белые флажки парусов у горизонта, соленые брызги, обгоревшие плечи, свобода.

А он более не мог обнажить торс.

Сидел, уткнувшись в оставленную кем-то на лежаке потрепанную книгу — кажется, дамский роман, — и делал вид, что всецело поглощен чтивом. В кепке с длинным козырьком, белой футболке, шортах и сланцах, сквозь стекла солнцезащитных очков он наблюдал за одним-единственным человеком — сидящей у бара «Турмарино» блондинкой.

«Лана Далински. На Уровне всего сутки, — так доложил его агент, — из предложенных при Переходе бонусов выбрала виллу у бухты Динто. На данный момент безработная».

Мо наблюдал за ней с самого утра. Караулил, когда выйдет из дома, глазел, пока та отдыхала на собственном пляже, крался по пятам, когда вышла «наружу». А теперь сидел, слушал романтическую мелодию, крики чаек, делал вид, что пялится в страницы, на которых не видит ни буквы, продумывал план.

Прежде чем подходить к незнакомке, следовало понять ее, почувствовать — неверно начатый диалог не приведет к желаемым результатам и схлопнет дальнейшие перспективы быть услышанным — так показывала его многолетняя бизнес-практика. Объект нужно увлечь. Чем? Деньгами. Безработный человек, живущий на вилле, более всего будет обеспокоен тем, как за эту самую виллу платить. А еще тем, как вкусно питаться, хорошо одеваться и вообще безбедно существовать. Здесь вопросов нет. Но Кассара волновало другое — она уже поняла? Почувствовала, что с ней что-то не так? Если да — один разговор. Если нет — другой.

Пока Далински ничем себя не выдавала — спокойно пила сок, ждала заказанное в баре блюдо, глазела на крепких и рослых, гоняющих мяч парней.

А он смотрел на нее, слушал размеренный шум прибоя и тосковал.

Прежняя жизнь — жизнь до «розетки» — была другой.

Он купался каждое утро — ровно в шесть. Специально приезжал в любимую бухту вдоль шоссе «L-5», раздевался и входил в воду — всегда неторопливо. Наслаждался тем, как она обнимает тело, облизывает его, ласкает, а после бросался в волны касаткой — мощно греб к горизонту так долго, пока не выдыхался, пока не чувствовал усталость и бодрость одновременно. Обратно скользил на спине, любовался тем, как розовеет над головой небо. И только после отправлялся на работу. А с работы, если не было важных дел, снова на пляж. Почему-то именно здесь, у океана, жизнь становилась насыщенной и полной — хотелось быть, дышать, улыбаться, флиртовать...

Здесь же он встретил Лейлу — жгучую темноволосую красавицу, женщину-модель, женщину-кошку. Мягкую, обманчиво-податливую, загадочную — ему она виделась именно такой. Нет, Лейла отнюдь не была наивной, и в Мо ее в первую очередь привлекли деньги, а он, зная об этом, все равно тешил себя надеждами на то, что «срастется».

Не срослось. Не потому что подкачала Лейла, и не потому что подкачал он сам, но все случилось накануне их третьей встречи — той, на которой он был уверен, ему ответят «да» и пустят в свою постель. После стало бы ясно, подходят ли они друг другу хотя бы физически, но... Марио до Лейлы не доехал.

Вместо этого он доехал до Тома, чтобы завести тому бумаги, и увидел своего партнера...

Кассар ненавидел вспоминать об этом — и тогда, и сейчас.

Том. Молодой, озорной и жесткий. Хваткий, как бульдог, талантливый во всем, за что брался, харизматичный до неприличия — женские сердца при виде его дрожали, как наспех склеенные вазы. Дамы боролись за его внимание, как загипнотизированные кролики за возможность вне очереди попасть удаву в пасть. Нет, Том никого не ел — он просто был собой. Слишком занятым карьерой и тем, чтобы взять от жизни по максимуму, он был таким, про которых говорили — «не парился». Веселым, жадным до впечатлений, вечно спешащим достичь Луны прежде, чем изобретут ракету.

Когда Том Хью Тардин пришел к Марио, чтобы наняться на должность управляющего филиалом компании, Кассар даже не раздумывал — учуял прекрасного специалиста. Спустя некоторое время они стали друзьями, после — партнерами. Это случилось полгода назад.

Всего полгода. Уже полгода. Вместе они вывели завод на новый уровень.

Слушая крики купающихся и глядя на куцую тень под ногами, Мо тонул в безрадостных мыслях.

Лейла. Интересно, у них получилось бы?

Он так не узнал. Помнил, что она любила розовые купальники и сверкающие заколки в волосах. Она никогда не красила ярко губы — покрывала их прозрачным блеском, — а вот ногти на ногах украшала алым. И носила тонкое колечко на безымянном пальце.

Он не доехал до нее. Одетый в тот вечер с иголки, думал, завезет Тому бумаги, а после отправится на самый роскошный ужин в своей жизни... Не отправился. Потому что, когда Мо нашел друга сидящим в кресле собственного кабинета, у того на коленях, судорожно вцепившись в рукава дорогого костюма, сидела незнакомая девка, а из шеи торчал шприц. Короткий шприц — игла всего пару сантиметров длиной.

Дальше память хранила только обрывки: хриплое дыхание Томми, стекленеющий взгляд, нездоровый оттенок кожи — почему-то серый. Помнилось, что Мо пытался вытащить друга со стула и уложить на пол, чтобы налить тому воды, развязать галстук, вызвать скорую (что делают в подобных случаях? Он обезумел, растерялся), но девка — эта бешеная сучка, воткнувшая Тому шприц, — все кидалась со спины. Ударила Марио по голове чем-то тяжелым, пыталась оттащить от умирающего, все орала, что «уже поздно, что она отомстила!», в какой-то момент накинула Кассару на шею шнур от лампы, принялась душить. И тогда он, невменяемый от шока и боли, развернулся и ударил ее. Припечатал не сильно, лишь для того, чтобы отключить, но она попятилась назад, оступилась и... упала головой на кофейный стол. Пробила стеклянную поверхность головой, шмякнулась затылком об одну из ножек...

И все.

Ему не поверили. Ни тому, что он просто защищался, ни тому, когда говорил, что, если бы она просто оставила его в покое, не пыталась душить, он не тронул бы ее. Он всего лишь хотел помочь другу. Хотя бы попытаться помочь...

«Розетку» ему поставили сутки спустя, сразу после похорон, и в течение следующих трех месяцев Мо ни разу не приезжал на пляж. Не раздевался на людях, не смотрел на женщин и не улыбался. Не входил в воду, не загребал волны руками, не радовался рассвету.

Когда-то он мечтал встать на серф, а теперь, глядя на парней, несущих к берегу лакированные доски — одна другой краше, — испытывал глухую тоску и делался слепым.

Может быть, когда-нибудь. Если в следующий раз не вытащит в комнате аметист и не умрет через неделю. Встанет, если найдет Сапфир.

Ожидание тяготило. Раздражала написанная на чужих лицах радость и жгучее солнце,

слепил даже сквозь очки искристый океан, наполнял горечью вместо привычной легкости соленый ветер.

Марио «читал» роман.

А тридцатью минутами позже Лана поймала вертолет.

Он шел за ней и почти подпрыгивал от напряжения. Вибрировал изнутри, потому что на этот раз был уверен — действие раствора из ампулы проявилось. Обычный «нормальный» человек попросту не успел бы схватить вертушку — изранился бы, — но девчонка успела. И не зря теперь плелась медленно, ни на кого не смотрела и запинаясь о чужие тапки. Теперь — он нутром чуял — ей нужно время. Пережить случившееся, «перебыть» с ним, отойти от шока и задать самой себе сотню вопросов, не имеющих ответов. А ответы преподнесет ей он — Марио. Позже, чуть позже.

Девчонка ушла домой, и Мо, изнывающий от голода, но не имеющий возможности отлучиться с поста наблюдения, бросил книгу на чье-то пустое, присыпанное песком полотенце и зашагал к ближайшей будке за гамбургером.

Змеи. Сообщество «Серпенты».

Женщину, убившую Тома, звали Кэти Саймон, и у нее на шее обнаружилась татуировка в виде змеи. Именно из-за нее, из-за татуировки, которую он непостижимым образом успел заметить и запомнить — странная штука — память, — Мо начал копать.

И докопался.

Общину «мстящих» организовала безымянная особа, обитающая на Четырнадцатом: собирала под свое крыло обиженных, промывала им мозги, убеждала, что без «недостойных мужиков, способных оскорбить и унижить прекрасный пол» мир делается чище.

Чище. Как же.

Возможно, Том когда-то обидел эту самую Кэти — бросил? Изменил? — и та, получив нелегальное разрешение на Переход, явилась следом, чтобы свершить свое страшное правосудие. Друг никогда не рассказывал о былом — стерлась память после посещения Портала? Не хотел ворошить прошлое? Теперь не узнать. Но Кассар, после того, как собрал о Серпентах все, что смог выяснить, приобрел стойкую ненависть к мести. Да — мужчины. Да — женщины. Но разве существуют в жизни ситуации, которые невозможно решить мирно? Поговорить, поспорить, даже поругаться. Но убивать?

Гамбургер оказался сухим и невкусным — много лука, мало соуса. Недоеденную четвертушку он смял в обертке и положил рядом с собой на песок — выкинет в урну позже.

Гремел голосами отдыхающих и музыкой солнечный день, баловался, качая в воде тела, океан. Кто-то тащил с собой на пляж надувные круги, кто-то матрасы. Когда мимо прошла, буравя ступнями песок, мокрая после купания девушка, на Марио упало несколько капель.

Он автоматически стер их с руки и принялся смотреть вправо — на пустую в этот момент территорию частного пляжа.

Дождаться, пока Лана снова покажется наружу? Или пойти и позвонить ей в дверь?

Утекало драгоценное время — он должен был что-то решить.

«Уровень — это отдельная маленькая жизнь, в течение которой человек проходит через ряд ситуаций, решает определенные задачи и совершает некоторое количество выборов. По достижению некоего опыта, человек получает право на Переход, от которого не может отказаться. При Переходе память индивида претерпевает изменения — из нее удаляются ненужные и критичные элементы, способные видоизменить мировосприятие следующих ситуаций, то есть наложить на них психоэмоциональный фильтр...»

Эта информация впечатывалась в мозг каждого жителя Уровня Комиссией, и, сидя перед телевизором, Лана прокручивала ее в воображении, словно читала текст.

«Удаляются элементы памяти» — по-другому «багаж» в виде прежних знакомств, отношений, привязанностей и прочего.

Все верно. Удаляются. И человек об этом совершенно не жалеет — так Комиссионеры обустроили процесс Перехода, — ибо жалость заставляла бы человека оглядываться назад, вспоминать и тосковать. А если тосковать, как жить новую жизнь?

Все так. И тогда тем менее понятно, зачем она сама протянула нить из прошлой жизни в нынешнюю? И прилагался ли шприц в коробке для того, чтобы воткнуть его в собственное тело?

Уверенности не было. Ей помнилось, что восстановлением памяти занимались исключительно обученные люди — сенсоры, — но совершенно не помнилось ни о каких сыворотках, или же чудо-растворах: «выпей и вспомни». Вколи и вспомни.

А что, если в шприце — яд?

По телевизору рекламировали средство от запора, а следом от поноса; Лана мысленно фыркнула — курорт. И проблемы ввиду обилия фруктов курортные.

Перед тем, как расположиться на диване в гостиной, она снова читала газету. Эксперимент «затормози волны взглядом» провалился, и еще полчаса из жизни ушло на то, чтобы признаться себе — строчки объявлений местных работодателей наводят на нее тоску. Ну, разве можно заниматься тем, к чему не лежит душа? И как определить ту область, к которой эта самая душа лежит?

Вот потому и работал теперь плазменный экран — вдруг мелькнет на нем что-нибудь интересное? Случайно заденет невидимые струны, заморозит и родит вдруг волну вдохновения, которая перерастет в неудержимый порыв заниматься чем-то конкретным?

Волна родиться не успела, так как в коридоре прозвенел звонок.

Она не сразу поняла, что этот звук — звонок ее входной двери, потому как никогда его раньше не слышала. А, услышав, напряглась. Кто может пожаловать в гости к человеку, который ровным счетом никого в Ла-файе не знает? Снова продавец бус? Коммивояжер? Разносчик писем?

Какие, блин, письма? От кого?

«Может, Комиссия?» — мысль заставила похолодеть. У нее под кроватью шприц, а в нем наверняка что-то запретное.

Вот и пиши-пропала новая жизнь...

Шагая по коридору, Лана чувствовала, как колет в боку. От нервов.

За дверью стоял мужчина. Не разносчик писем, не коммивояжер — без сумки, — и по одежде, судя по всему, не из Комиссии. Про тех говорили, ходят «в серебристых костюмах — на рукаве белая полоска», а у этого — высокого, темноволосого — и рукавов-то не было.

Белая, чуть помятая футболка, бежевые шорты, кроссовки. По правому бицепсу татуировка, на запястье браслет из черных и вишневых бусин. Волосы отросшие, завиваются, на шее цепочка, в ладони солнцезащитные очки.

— Добрый день.

— Добрый.

Она разглядывала незнакомца, словно зверек — напряженно и пристально, — а тот, в свою очередь, рассматривал ее. Буравил взглядом черных глаз, чего-то ждал, и Лана пожалела, что не закрыла за собой дверь ворот. Та, что для машин, была заперта изначально, а вот «проходная»... Кто бы думал, что пожалуют гости?

— Я могу вам чем-то помочь?

Вежливой быть не хотелось, но не гнать же с порога?

— Можете. Нам нужно поговорить.

Ей сделалось беспокойно, муторно. За спиной мужчины залитая солнцем дорожка, пальмы, ветерок — благодать. А гость — не к месту. Вот не к месту.

— О чем?

На нее посмотрели укоризненно.

— Не пригласите внутрь?

— Простите, нет, — Лана встала в проходе, как железный Голем. Сжала пальцы на косяке двери, напряглась, будто приготовилась к тому, что ее сейчас силой сдвинут с места. — Я не приглашаю в дом незнакомцев, извините.

— Похвально. Я — Марио.

И тишина с ее стороны.

— Марио... Кассар.

— Это, типа, вы сделались мне знакомым? — поинтересовалась язвительно.

— А вы?

— Я — хозяйка этого дома. Простите, чем именно я могу помочь вам?

Тот, кто представился именем Марио, продолжал сверлить ее взглядом темных глаз — взглядом слишком тяжелым, чтобы чувствовать себя комфортно.

— Давайте пообщаемся.

— Мы уже общаемся.

Гость вздохнул — «мол, я думал, будет легко, а оказалось...», — постучал дужкой очков себя по ладони.

— Нам лучше пообщаться без посторонних и там, где тихо.

— Здесь вполне подходит.

— Не подходит.

Лана напряглась сильнее. Обычно она не грубила незнакомым людям, но сейчас нервничала и почему-то желала избавиться от посетителя как можно скорее.

— Чего вы хотите... Марио?

По ее взгляду он понял, что так просто в дом не пробиться. Ни в дом, ни в ее расположение. Диалог, подчас, сложная штука, и потому использовал козырь.

— Я хочу рассказать вам, почему вы сегодня поймали вертолет. Почему и как. Лана.

От напитков гость отказался. Пока она заваривала чай себе — нервно звякала ложкой о край стакана, а Марио слонялся по гостиной, — Лана кляла себя, на чем свет стоит. Незнакомца — и в дом. Нонсенс! А если маньяк, если нападёт — как отбиваться? Что, если

зажмет в углу, припечатает рот ладонью... — воображение рисовало картины одна другой страшнее.

Внутренности дрожали.

Он знал ее имя — плохой знак. Знал, где она живет, — еще хуже. Вот только прогонишь его сейчас, не узнаешь, что нужно, а потом встретишь где-нибудь снова — и себя тысячу раз укоришь, и обстоятельства будут хуже. Лучше выстоять этот диалог лицом к лицу. Как будто она не боится.

«Мой дом — моя крепость. Мой дом — моя крепость», — проговорила Лана мысленно, наверное, раз десять, прежде чем донесла чай до гостиной.

— Хорошая вилла.

Хорошая. Потому и выбрала. А, главное, теперь ее.

Марио сидел на диване. Не франтом, сложив ногу на ногу, но широко расставив колени и подавшись вперед — руки сцеплены замком. Смотрел не хмуро, но исподлобья.

— Не скучно вам одной в стольких комнатах?

— Не скучно.

Прозвучало грубо.

Телевизор она погасила — гость хотел тишины, — и теперь смотрела на мужчину запуганной овчаркой — покажи палку, и бросится, чтобы отгрызть руку. А все потому, что страшно.

— Итак?

Ей хотелось, чтобы все завершилось, не начавшись. Чтобы этот мистер Кассар — кем бы он ни был — вдруг понял, что ошибся местом, извинился и вышел прочь. Предварительно объяснив, откуда ему знакомо ее имя.

— Вы меня боитесь?

Марио не торопился; а Лана продолжала незаметно трястись. И стоило ли признаваться в очевидном?

— Простите, я не хотел пугать вас, — гость расцепил руки и потер уголок губ тыльной стороной ладони. — Знаете, если бы ко мне вот так пожаловал незнакомый человек, я бы тоже напрягся.

Похвальное понимание. Он — мужчина. Она — женщина. И ситуации не равны.

— Откуда вы знаете мое имя?

Чай казался ей невкусным и слишком горячим; чашка обжигала пальцы, но стол слишком далеко — подниматься не будет.

Марио втянул в легкие воздух. Выдохнул. Будто бы приготовился к длинному разговору.

— Давайте начнем не с этого. По порядку. С цели моего визита.

«Начинайте», — Лана хмурилась.

— Я хотел бы предложить вам работу.

Ах, вот оно что — она испытала почти что облегчение. Ну, конечно, — он просто увидел ее на пляже, приценился, решил, что может завлечь в какой-нибудь стрип-бар и извлечь из новой работницы выгоду.

— Думаете, я нуждаюсь в деньгах?

— В деньгах нуждаются все. Зависит от суммы.

— Спасибо, но нет. Я не работаю... с мужчинами, — прозвучало кособоко, и она поправилась: — Для мужчин. В общем...

— Нет, не того типа работу.

— Тогда какого?

— Понимаете, Лана, вы случайно забрали то, что принадлежит мне.

Началось. Слишком громко — мол, держись от него подальше — грохотал за окном прибор. Гость пришел что-то вымогать, и ей хотелось прокрутить время вспять — не открыть ему дверь, не впустить в дом.

— У меня нет ничего вашего, — произнесла она металлическим голосом.

— Увы, есть.

Маньяк. Они все начинают путано и издалека, а потом оказываются шизофрениками.

— Я не беру чужого. Никогда не брала.

— Вы и не брали. Вам это вчера подлили, и вы это выпили.

Бред. Ей никто ничего не подливал. Она вообще вчера никуда не ходила, кроме торгового центра, а после весь вечер и ночь спала, как убитая. Подкатывала истерика — тихая, от которой хотелось скулить. Она ни в чем не виновата, совершенно ни в чем...

— Вы меня с кем-то путаете.

Мистер Кассар покачал головой — мол, хотелось бы.

— Вы ведь были вчера у «Рифа»? Сидели на площади перед фонтаном, пили арбузный сок. Так?

Ее язык прилип к нёбу. Все так. Но...

— Давайте я попробую объяснить сначала, иначе мы потратим на то, чтобы понять друг друга, слишком много времени. Я, как я уже говорил, Марио Кассар — некогда владелец завода «Сидмарино»...

И потекла речь.

О том, что он — Марио (в прошлом судостроитель и бизнесмен) — всегда играл по правилам и законы чести ставил превыше всего. Не подстраивал конкурентам ловушки, не позволял себе быть подлым, не мухлевал, не пытался нажиться, «не замечен/не привлекался». Глядя то себе на руки, то на кофейный столик, гость объяснял, что «Сидмарино» занимался выпуском судовых гребных винтов и моторов, оборудованием для яхт, водометными насадками для гидроциклов, разрабатывал новые системы штурвального управления...

Лана в терминологии не разбиралась, и потому слушала, пропуская слова и отмечая лишь важное: спокойный, складно говорит, на бизнесмена похож. Почему — «в прошлом»?

— ... все приносило прибыль и работало складно, но три месяца назад погиб мой партнер, а я... В общем, обстоятельства изменились. Завод пришлось отдать под чужое управление. Зачем я вам все это рассказываю? Для того, чтобы вы составили обо мне какое-то первоначальное мнение.

«И начали мне доверять», — добавляли черные глаза.

Лана никому доверять не собиралась; кружка в ее ладонях медленно остывала.

— Теперь я занят другим: поиском решения одной задачи. Сложной и совершенно с заводом не связанной. Мне требуется научиться видеть энергетическое излучение объектов — волны, которые они испускают. Для этой цели я связался с человеком, который согласился продать мне уникальный раствор, способный помочь сознанию войти в нужный для этого режим. Бесценную формулу. Ампулу. Баснословно дорогую.

Она никак не могла взять в толк, для чего все эти сложные объяснения? Смотрела на

рельефные колени гостя, думала о том, что для подобного загара нужно много времени проводить на солнце. Колени коричневые, а икры волосатые. Еще ниже бежевые носки — в тон коже.

— При чем здесь я?

— При том, — Марио потер друг о друга ладони. — Я ее купил — ампулу. Оплатил доставку. Но моего курьера вчера ограбили, отняли раствор и, пытаясь скрыться от преследования, плеснули его вам в сок.

Она будто вышла из дремы, вздрогнула:

— Вы шутите?

— Увы, не шучу.

— Какой еще раствор? Он опасный? Мне... будет плохо?

Лана вдруг почувствовала себя мутантом. Нет, человеком, который вскоре станет мутантом, — процессы, наверное, уже запустились: видоизменяются клетки, отрачивают новые структуры, неверно делятся, уплотняются... Ей моментально захотелось «выписать» его из своего тела — сесть на унитаз и мочиться, пока чужеродная масса не вытечет до последней капли.

— Я... Мне это было не нужно. Я боюсь!

— Поэтому я и здесь. Вы, вероятно, и не заметили бы, что приняли внутрь нечто необычное, но сегодня на пляже вы поймали вертолет. Верно?

— Да.

— Потому что вам показалось, что замедлилось время?

Все так. Именно так.

— Обычный человек не успел бы, поверьте мне. Эти вертушки очень проворны — в общем, не мне объяснять. Думаю, вы и сами поняли, что произошла ситуация из ряда вон. Кстати, не пытались повторить эксперимент после?

Лана, потеющая от ужаса и смущения, не созналась в том, что — да, она пыталась.

Чай был оставлен на стол; теперь Лана ходила взад-вперед по гостиной, не могла усидеть на месте.

— Что я должна теперь делать, чтобы эта гадость... вышла наружу?

— Ничего. Ее действие завершится примерно через три недели.

— Три недели... странностей?

— Поверьте, я собирался принять этот раствор сам. И свои проблемы решать сам. Но вышло, как вышло, — теперь оно в вас.

— Во мне... — крикнула Лана и вновь на секунду ощутила себя едва ли не разлагающейся на части. Почему-то боялась смотреть в зеркало. — Оно опасно, это нечто?

Она покроется пятнами?

— Нет. Поставщик уверил, что лишь в первый день может наваливаться сонливость. Легкая тошнота, головокружение, понос — побочные эффекты, как у многих лекарств.

Ее тошнило, да. И поносило. А еще она спала весь вечер и ночь, как совершивший перебежку из одного леса в другой сурок.

Многое теперь встало на место: странный вкус допитого арбузного сока, отключка в автобусе, пойманный вертолет, этот самый визит.

— И потому вы выяснили мое имя?

— Мне пришлось, да. Узнать у грабителя подробности, просмотреть видеозаписи,

отыскать вас в городе.

«Что еще вы обо мне знаете?» Да ничего. Он не мог знать много хотя бы по причине того, что в Ла-файю она прибыла только вчера.

Хорошо начался уровень. Вот не к месту сейчас неприятности — совершенно. Ей нужно выбирать курс, начинать обучение, обустроиваться, осваиваться, приживаться. А тут какие-то волны, ампула, чьи-то проблемы...

— Я не могу вернуть это вам?

— Нет.

— А выписать новую ампулу? Дорого?

— Невозможно.

— Почему?

Он посмотрел на нее так тяжело, что она не стала спрашивать еще раз, — приняла: невозможно.

— Я должна ждать три недели? А завершить действие этого препарата раньше никак?

— Никак.

Она, вероятно, думала совершенно не о том, о чем гость, — тот смотрел на нее пристально, даже угрюмо, а она, как раненый солью медведь, продолжала слоняться по комнате и заламывать руки.

— Три недели... Как же я буду на курсах? А спать ночью? Я буду спать ночью? Сонливость, вроде бы, прошла, но мне теперь как-то... муторно.

Мистер Кассар кружил за ней взглядом-магнитом. А стоило Лане замолчать, спросил:

— Так вы мне поможете?

И странная нервная хрипотца мелькнула в его голосе.

Он предложил ей десять тысяч авансом и еще десять по завершению работы. Сообщил, что требуется немного: научиться видеть в «замедленном режиме сознания» сияние, испускаемое драгоценными камнями, запомнить то, которое дает сапфир, а после — через две недели — выбрать из предложенных именно его. Не аметист, не рубин, не хризолит, не алмаз — сапфир. И Лана тут же задалась вопросом — что именно в нем такого, в этом сапфире?

— Почему просто нельзя выбрать его по цвету?

— Потому что там, где придется выбирать, все драгоценные камни прозрачные.

Как странно.

— А сами вы не можете?

— Без раствора — нет.

Десять тысяч — большие деньги. Ей хватит и на курс, и на жизнь. С «двадцаткой» можно какое-то время вообще не работать — ходить по барам, ресторанам, заниматься шопингом, наслаждаться отдыхом. И только потом задуматься о работе. Вот только не покидала мысль о том, что все это «подстава». Слишком легкие деньги. Или не слишком?

— А если я не смогу?

— Сможете. Вы научитесь.

— А если все-таки не смогу?

«На нет и суда нет», — Марио пожал плечами, однако взгляд его остался хмурым и сделался еще тяжелее.

— Вы заберете деньги?

— Аванс в любом случае останется у вас.

Он не хотел говорить об отрицательном результате — она видела. Но десять тысяч будут ее, и это большие деньги. Для нее большие.

— А вы меня не разыгрываете?

Сидящий мужчина на шутника не походил. Он, скорее, походил на того, кто о чем-то умалчивает — о важном или нет?

— Этот камень дорого стоит? Ваш сапфир?

— Очень.

— Миллионы?

— Нет. Его невозможно продать. Но он дорог... для меня.

— Ясно.

Ей ничего не было ясно. Как-то все слишком быстро, нахрапом. И пусть многое из последних двух суток стало понятно, из жизни ушла размеренная леность — теперь предстояло работать над непонятной задачей, трудиться, волноваться, две недели ожидать результатов. Желательно, хороших результатов.

«Но независимо ни от чего, ее кошелек потяжелеет на десять тысяч баксов. При удачном исходе на двадцать».

— Скажите, вы меня не обманываете, Марио? — Лана кое-как заставила себя вновь опуститься в кресло. — Вы не втянете меня в темную авантюру, которая испортит мое пребывание на уровне? Это не воровство, не криминал?

— Нет. Клянусь вам.

Он отвечал серьезно. И как будто чем-то болел — не телом, но душой. Выглядел напряженным, даже суровым, почему-то неспособным улыбаться.

— Что-то зависит от этого, да?

— Многое.

«Ему нужна ее помощь, действительно нужна», — промелькнула странная мысль, и от нее не стало легче — наоборот.

Лана, пытаясь принять важное решение, вздохнула. Она верила ему. И не верила. Хотелось продолжить беззаботно существовать, однако хотелось и получить выгоду. Почему нет, если та плывет в руки? И выгода, и помощь. Но свербела тревога.

— А, если у меня не получится вновь погрузиться в то состояние? Ведь я пыталась сегодня — не вышло.

Вот и призналась.

— Получится. Пойдемте.

— Куда?

Он встал. Зацепил очки дужкой за вырез футболки, зашагал к выходу на террасу. Оглянулся еще раз, качнул головой.

— Пойдемте. Я вам кое-что покажу.

И она поднялась с кресла.

Снаружи Марио какое-то время озирался. Оценивал взглядом то плетеный стул, то стол, то огромный пустой вазон у двери — что-то искал. Остановился на цветочном горшке поменьше, быстро подошел к нему, поднял, развернулся и... со всего маху запустил им в Лану.

Та в ужасе вскинула руки, защищаясь, хотела одной прикрыть лицо, а второй отбить

летающий предмет и... соскользнула в «замедленное время». Гудел на одной ноте океан, пристальный взгляд Марио превратился во взор восковой фигуры, вращающийся цветочный горшок завис перед лицом. И тогда она, как и в прошлый раз, усилием воли приказав телу двигаться, успела скоординировать движения рук таким образом, чтобы ухватить предмет пальцами за кромку и остановить его полет. А, едва выскользнув в нормальное время, тут же заголосила:

— Вы сумасшедший?! А если бы я не успела?

Кассар выглядел спокойным.

— Успели бы. Химик так и говорил, что поначалу для «погружения» может требоваться динамический объект. Опасность.

— Опасность? Вы что, всякий раз теперь будете швырять в меня все, что под руку попадется?

— Если будет нужно.

— Вот спасибо!

Лана приказала себе успокоиться — перевела дыхание, отставила горшок подальше — смотреть без содрогания теперь на него не сможет. Это всего лишь эксперимент. Эксперимент. Ей никто не хотел разбить лицо.

— А кто такой Химик?

— Химик — тот человек, которые изобрел раствор.

— Ясно.

Сердце все еще стучало гулко — запоздало пустилось в галоп и все не желало переходить на нормальный темп. Хотелось выпить.

— Теперь убедились, что у вас получится?

— Да, спасибо. Повторять не нужно. Пока не нужно.

— Я и не собирался. Простите, что не предупредил, но тогда бы исчез эффект внезапности.

Чудесно. А выпить нечего — шампанское накануне она так и не купила. Пожадничала. Может, действительно принять авансом десять тысяч, а после как следует напиться?

Стоя у двери, Марио произнес в третий раз:

— Позвоните мне. Как определитесь. Я буду ждать.

И в третий раз Лана, стоя на своем, качнула головой.

— Позвоню только в том случае, если соглашусь.

— Вы точно не хотите принять аванс?

— Точно.

Нет — возьмешь чужие деньги и моментально станешь «должен». Исчезнет легкость, запястья скуют невидимые наручники, и вместо того, чтобы жить, только и будешь думать о том, как отработать взятую в долг сумму. И не важно, что говорил «десять тысяч в любом случае останутся у вас».

Хороша замануха.

Нет, и точка. Бутылку шампанского Лана, в конце концов, может купить и на свои.

Гость все не уходил, мялся. Подыскивал правильные слова и не находил их; наконец, сдался.

— Я буду ждать.

— Всего доброго, мистер Кассар.

— Всего доброго, Лана.

Он ушел — Слав-те-Господи. Глядя через дверной глазок на то, как шагает по дорожке к выходу темноволосый человек, Лана думала о том, что через минуту она обязательно выскользнет следом и запрет калитку.

* * *

(William Joseph — Cinema Paradiso)

Три месяца назад он ужасался прикасаться к вживленному в тело металлу — чувствовал себя недо-роботом, ущербным и приговоренным к казни человеком. Одномоментно растерял радость от привычного: хождения на работу, траты времени на продумывание рулевых систем, больше не рисовал яхты. Забросил собственные традиции и ритуалы, не звонил старым друзьям, почти ни с кем не общался. Если пил, то редко и не по многу — чувствовал тошноту при мысли о том, что спускает последние отведенные дни в унитаз и страдает похмельем вместо того, чтобы любоваться тем, что вокруг.

А любоваться он научился. Сквозь тоску. Всякий раз, заказывая любимых лангустов или омаров, размышлял о том, что, возможно, пробует их вкус в последний раз. Пьет вино в последний раз, созерцает рассвет или закат в последний раз. Быть может, завтра он проснется и не захочет жить — и плевать, что счетчик еще тикает, что еще есть дни — неделя, две, три...

Марио любовался городом и сегодня. Розоватым в опускающемся солнце свечением улиц, умиротворенными лицами прохожих — в Ла-файе умиротворенными выглядели почти все — отдых как-никак. Слизывал с них улыбки, чужую радость, дышал не своим счастьем, примерял на себя чужие эмоции, временно пропитывался ими. И более ни к чему не привязывался. Безо всякого замедляющего время раствора вдруг ловил себя на мысли, что стоит и смотрит на качающиеся на ветру листья пальм, ловит краем глаза движение машин, пребывает здесь и нигде. Везде сразу.

Розетка отбирала жизнь. И учила ее же ценить. Более никого не осуждать, не связываться в споры, не тратить время на обиды — все слишком скоротечно, а вокруг столько прекрасного.

Лана позвонит. Может быть. А, может, и не позвонит. Он предложил ей слишком много или слишком мало — Марио не знал, не хотел об этом думать. О том, что если она не позвонит, ему придется выискать другие методы воздействия — уговаривать, умолять, доплачивать, давить. Давить не хотелось. Хотелось жить — еще чуть-чуть, еще немного. Хотелось расслабиться, научиться вновь дышать полной грудью, избавиться, наконец, от осевшей в сердце пылью тоски. Хотелось свободы.

В этот вечер он впервые поехал в безлюдную бухту и искупался. Долго сидел на берегу, обсыхал, специально не вытирал волосы — да и нечем, — чувствовал, как по шее стекают капли, слушал океан. Волны стихли, сделались покладистыми и стеснительно подкатывали к ногам. В оранжевом, похожем на стекло мокром песке, отражалось оранжевое небо. Оно горело, тлело, делалось все темнее над головой и у горизонта, полыхали разводами прощальные облака.

Домой он вернулся затемно. Уставший, но с надеждой. Ополоснулся, отмыл волосы от

соли, долго стоял перед зеркалом в ванной — смотрел на так редко в последнее время обнажаемый торс. На ромбовидную и даже по-своему красивую витую «розетку» — кто-то однозначно наслаждался, создавая ее дизайн. «Розетка» походила на вплавленный в кожу амулет с тускло горящим посередине камнем — сейчас ониксом. Металлические края, орнамент на лепестках и по кругу, цепко держащие самоцвет, как на женских кольцах, коготки-лапки...

Интересно, думал Марио почти без интереса, если поставить в углубление сапфир, как именно она исчезнет? Придется ли искать Комиссию, чтобы удалили, или же растворится сама? Останется ли след? След бы его не напряг.

Спустя минуту Мо плеснул в лицо водой, почистил зубы и натянул майку. Вышел из ванной, погасил свет и проверил, что телефон у него с собой. Теперь он должен быть всегда с собой.

Ночь прошла в мытарствах.

Лана никогда не думала, что засыпать под шум волн совсем не просто — океан шипел, шуршал, пенился, облизывал в соседней бухте камни, разговаривал с сушей, не переставая. Не просто ш-ш-шур — прилив волны и ш-ш-шур — отлив волны, но монотонный — то тише, то громче — нескончаемый гул.

В половине второго она закрыла в спальне окна и включила кондиционер. Забралась под одеяло, попыталась уснуть — не тут-то было. Запахнулась, распахнулась, перевернулась на один бок, на другой — танцевали при свете костра сомнения мысли: а что, если подстава? Положим, кому-то нужен камень, и ей, Лане, совсем не случайно подлили в стакан с соком странный раствор. Что, если ее выбрали для исполнения грязной работы, а после и все шишки падут на нее? Удобно. Пришел, пожаловался, что ампулу упустил, сообщил, что теперь только она — незнакомая девчонка — может выручить из беды. Пообещал денег, а та и купилась...

Еще не купилась.

Мысли выбивали гимн в тревожный бубен; ночь длилась и длилась. До половины третьего неслись даже сквозь закрытые окна танцевальные ритмы с близлежащей дискотеки — изменит направление ветер, и отчетливое «бам-бам-бам» слышится сквозь пластиковые ставни. Повернет в другую сторону, и останется лишь шуршание прибоя за окном. Бродили по пляжу выпившие компании — смеялись, иногда поругивались; брэнчала гитара.

Уснуть Лана сумела лишь в половине пятого утра.

Солнечный свет заставил взглянуть на все иначе — оптимистичнее. Положим, Марио — честный человек, попавший в беду, и он действительно обратился к Лане за помощью. Откажет? Имеет право. Но если не выручит, не упрекнет ли себя потом? Ведь интуиция твердила — незнакомец не врал.

Утренний душ, завтрак, прогулка по пляжу. После поход в магазин — за тарелками; и все это время чаша весов, как нерешительный маятник, клонила то в одну, то в другую сторону. И светом маяка где-то на фоне маячила притягательная стопка купюр.

Позвонить или нет? Согласиться или отказать? Как обезопасить себя, не ступить на тонкий лед и не провалиться? Как получить гарантии?

Ла-файя жила привычной жизнью: шелестела пальмовыми листьями, пестрела шортами в цветочек, гудела клаксонами экскурсионных автобусов, плавила асфальтовое покрытие под жарким солнцем, чертила классики контрастными и кажущимися глазу черными тенями. Кормила туристов мороженым, полоскала берега лазурным морем, предлагала, словно экзотическая красавица, развлечения на любой вкус: тихие бухты, шумные аквапарки, дорогие рестораны с официантами в накрахмаленных передниках, дешевые и уютные семейные забегаловки на четыре столика. Высилась белоснежными отелями, шумела рынками, наблюдала за привязанными канатами к лодкам парашютными куполами, качала, словно попмушки в супе, тела млеющих в море туристов.

Пытаясь познакомиться с окрестностями, Лана шагала по одному из проспектов вдоль пляжей так долго, пока не добрела до сквера с мини-бассейнами, кружевом клумб и стражами из качающихся пальм. Замерла, чтобы перевести дух, огляделась — стоит ли

шагать дальше? Или повернуть назад?

На лавочке неподалеку от нее возилась парочка — молодая девчонка в красном сарафане жалась к загорелому и атлетически сложенному парню.

— Рай, скажи, что любишь...

— Люблю.

— Сильно-сильно?

— Очень сильно.

— И никогда от меня не уйдешь?

— Дурочка, ну что ты говоришь?

— Сделай его тогда.

— Сделай что?

— Жест Правды. И повтори, что сказал!

И парень вдруг замолчал. Поблек выражением глаз, стал глядеть в сторону, промычал что-то невнятное — «мол, зачем такие меры, если веришь?».

А у Ланы в голове будто вспыхнула лампочка.

Новая информация, по-видимому, записалась в сознание при Переходе, и вытащить ее на свет не составило труда — стоило задуматься о незнакомых словах, как пояснительная формулировка всплыла сама собой:

«Жест Правды. Нововведение Пятнадцатого Уровня. Лимит на использование: трижды в год. Активировать возможно с помощью пасса руками (рисунок прилагался). Действие Жеста по времени определяется лицом, запускающим процесс, как то: минута, пять минут, час и так далее. В течение указанного отрезка времени после активации Жеста человек способен произносить вслух лишь информацию, которую считает правдивой сам. За выдачу заведомо ложных данных, тело Активатора подвергается воздействию сильного болевого синдрома, сравнимого по мощности с...»

Далее Лана не читала. Она вдруг поняла, каким образом обезопасить себя и получить вожделенные гарантии, — нужно попросить Марио начертить Жест. Согласится? Значит, не врет. А если нет...

В момент продумывания фразы «а если нет...» она уже спешила обратно к дому.

* * *

Незнакомый номер высветился на экране мобильного как раз тогда, когда официант поставил перед Марио первое — тарелку с куриным бульоном и чесночные гренки, — и Мо тут же отложил на идеально ровную скатерть столовые приборы.

— Алло?

— Это я. Вы свободны? Приезжайте.

Голос Ланы он узнал сразу же. Попросил жестом руки официанта не уходить, бросил в трубку «скоро буду» и вытащил из кармана бумажник.

— Не будете обедать? — учтиво поинтересовался парень с висящим на сгибе локтя полотенцем.

— Увы. Дела.

Мо положил на стол двадцатку — плата за три блюда, напиток и немного «на чай», —

поблагодарил за сервис и, задев край стола, на котором звякнули тарелки, поднялся. Легкий пиджак, до того висевший на стуле, он натягивал уже на ходу.

Царственная вилла встретила услужливо распахнутой «калиткой»; на газонах работали разбрызгиватели. Дошагав до затененной колоннадой двери, Марио уже собрался нажать на кнопку звонка, как дверь распахнулась, и хозяйка дома, поздоровавшись, пригласила его пройти внутрь.

Она волновалась. Смотрела на него нервно, но в то же время решительно — так, как будто собиралась сделать ему непристойное предложение. Не спросила, желает ли он воды или чая, — забыла, — стояла у девственно-чистого кухонного стола и мяла пальцы.

Он мог бы спросить: «Вы на что-то решились?», но боялся спугнуть удачу. Пусть начнет первой. Мо не давил, держал пиджак в руке — с утра было прохладней, чем теперь, — ненавязчиво рассматривал кухню и одежду Ланы — ту же самую, которая была на ней вчера. Он вдруг понял, что другой у нее попросту нет, — не успела купить? Не смогла, потому что не на что? Вероятнее, второе, ибо женщины не любят носить одни и те же наряды дважды. Уж точно не день за днем.

— Могу я присесть?

— Конечно. Простите, я задумалась.

Она пожевала губы, и Марио впервые отметил, что Лана красива: белокурые волосы, лепные скулы, кофейного цвета глаза. Кареглазая блондинка — редкость. Вчера, сидя поодаль, он не успел рассмотреть ни аккуратный нос, ни припухший от покусывания рот, ни симпатичный разлет бровей. Очень гармоничное лицо, открытое. Такие черты выгодно подчеркнет и легкий макияж, и тяжелый вечерний. И даже его полное отсутствие.

— Марио, я могу вас кое о чем попросить?

— Конечно. Все, что в моих силах.

— Дело в том, — она отодвинула от стола стул и села рядом, — что я волнуюсь. Мы все-таки незнакомы, и работать вместе, тем более работать за деньги...

— Вы боитесь, так?

Она насупилась, не желая выдавать очевидного. Но все же ответила:

— Да, боюсь.

— Хотите подписать договор? Составим так, что вам в любом случае ничего не будет грозить.

Она сложила на стол руки — красивые по всей длине от узких рельефных (спорт?) плеч до изящных пальцев и кончиков ухоженных ногтей, — вновь посмотрела на него с вызовом. И Мо почему-то опять подумал про непристойное предложение. Интересная девчонка — нерешительная и в то же время упертая. Вежливая, но с принципами. И наверняка с чертами в голове.

— Нет, я не хочу договор — я в них не разбираюсь. Не умею читать все эти мелкие буквы и термины, путаюсь в обязательствах. Еще все эти сноски и звездочки. В общем, я под них засыпаю.

— Не только вы, — ему захотелось улыбнуться. — Так каким образом я могу доказать вам свои честные намерения?

Теперь как будто непристойными прозвучали его собственные слова.

— Каким? — Лана смотрела пытливо, и в ее зрачках прыгали бесенята. *Мол, готовы доказать? Уверены?*

Марио вернул спокойный и непробиваемый, как рельс монопоезда, взгляд — *уверен*.
Проверяйте.

— Вы знаете про Жест Правды?

Ох. Она его подловила. Про Жест Правды Мо знал не понаслышке. А все потому, что однажды в баре с Томом — это случилось с полгода назад — они, выпившие, решили проверить, действует сие заклятие на людей или нет? Идиот Мо сам вызвался быть первоиспытателем и неуверенным хмельным пассом вывел прямо перед собой сложный знак, а после попросил Тома задать ему каверзный вопрос. И тот, хохотнув, не оплошал — спросил: «Любишь ли ты по утрам мыть голых мужиков?» Кассар, понятное дело, решил ответить, что, конечно же, любит, и тут же согнулся от рвотного спазма. Ту боль, которая пронзила его тело от макушки и до самых стоп, он помнил по сей день — целый час не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. И даже выйти из бара на своих двоих не сумел — домой его везли на такси...

Вот и теперь он, должно быть, выглядел так, что Лана моментально заподозрила неладное.

— Вы про него знаете, — кивнула она утвердительно. — Но не готовы к испытанию, так?

— Готов, — Марио шумно втянул воздух и кивнул, напрягшись так, как будто ему в зад собирались воткнуть иглу толщиной в палец. — Просто я знаю, что бывает в случае произнесения лжи.

— Тем лучше. Значит, позвольте мне задать вам несколько вопросов, пока процесс «правды» будет активирован?

Умна. Хитра. Молодец. Не захотела отказываться от денег, но и рисковать не спешила. Он бы восхитился сидящей перед ним женщиной в полной мере, если бы не опасался того, что спустя какое-то время его вновь придется транспортировать домой на такси полубездыханного.

— Готов.

Солнечный день за окном цвел и буйствовал красками. Застыли в небесной синеве легчайшие мазки-облака, пестрил бликами океан, качались под неугомонным бризом тугие пальмовые листья.

— Только одно условие, ладно? Не спрашивайте у меня того, что не имеет к вам отношения.

— Как, например, о чем?

— Ну, например, о моей личной жизни. И формулируйте вопросы так, чтобы я мог ответить «да» или «нет», — это немного упростит процесс.

— Хорошо.

Лана ненадолго вышла и вернулась в кухню, держа в руках маленькие квадратные часы. Поставила их на стол.

— Как вы думаете, пары минут нам хватит?

— Зависит от того, сколько у вас вопросов.

— Не много. И я их для себя уже сформулировала.

Марио неохотно кивнул; стрелка на циферблате двигалась мирно — для часов всего лишь очередные две минуты, для него — сто двадцать секунд пытки. Невидимая игла зависла у самой задницы.

— Тогда можно начинать? Готовы?

— Готова.

Когда Марио поднял руку и приготовился выводить в воздухе невидимый рисунок, Лана смотрела на него со смесью ужаса и любопытства.

Активация Жеста наполнила тело гудением — Марио чувствовал себя так, будто через него пропустили электрический ток. Пока еще слабый, но готовый усилиться мгновенно, стоит произнести хоть слово лжи.

— Начинайте, — попросил он хрипло.

Вспыхнувший в воздухе рисунок, начерченный его собственными пальцами, теперь медленно таял над кухонным столом — отсчет начался.

Лана сплотнула, кое-как оторвала взгляд от светящихся линий, нажала на часах кнопку таймера и посмотрела на собеседника пристально, как следователь.

— Вопрос первый: рискую ли я, согласившись помогать вам в поиске вашего камня?

— Нет.

Ответ выскользнул легко, как рыба из мешка с водой. Не рискует, ничем не рискует — он уже обдумывал этот момент.

— Вопрос второй: действительно ли мне плеснули раствор в сок случайно? Или же меня выбрали для каких-то целей намеренно?

Мо посмотрел на Лану с укоризной во взгляде — я же просил «да» или «нет». Та, прочистив горло, тут же уточнила:

— Случайно?

— Да.

Тело гудело, тело вибрировало, тело было готово выдать по нервной системе такой разряд, какой он получил бы, наверное, только сидя на электрическом стуле. Чертов метод. Марио боялся шевелиться и даже дышать.

— Дальше. Афера, в которую вы меня втягиваете, носит хоть сколько-то криминальный характер?

— Нет.

— За мое участие в этом деле не последует никакого наказания?

— Нет.

Он был в этом уверен. Комната открывалась раз в месяц, но нигде — он перечитал условия не единожды — не говорилось о том, что входить в нее может только он один. И, значит, может он и гость. Он и друг. Он и Лана. Разницы в том, кто выбирает камень, нет, ведь вставлять его все равно придется ему, Мо.

— Хорошо. Существует ли то, о чем я должна знать прежде, чем возьмусь помогать вам? Есть ли что-то, что касается непосредственно меня?

— Нет.

Каждый ответ, как серпом по яйцам. А если скрутит? Если он чего-то не учел или же сам не до конца верит в формулировку? По вискам от напряжения заструился пот — прошла минута. Ему не хотелось снова рыгать на пол кухни, совсем не хотелось.

— Вы действительно собираетесь заплатить мне? Десять тысяч авансом и десять после завершения?

— Да.

— Вы действительно не можете сделать то, что могу я, выпив этот раствор?

— Нет.

— Раствор опасен для меня?

— Нет.

Ему захотелось в туалет. Две минуты, как целая жизнь.

— Он действительно завершит свое действие через две недели?

— Три. Может быть, три.

Позволив себе больше, нежели «да» или «нет», Марио едва не заполучил головную боль от напряжения — ему показалось, что предупреждающая вибрация в теле усилилась.

— Ампула стоила дорого?

— Да.

— Решаясь отыскать этот камень, я действительно помогаю вам?

— Да. Очень.

В этот раз, добавив еще одно слово к ответу, он не сомневался — действительно очень помогает. Вероятно, спасает ему жизнь.

Две минуты почти истекли. Осталось совсем немного — четверть оборота стрелки. Лана почему-то молчала. Смотрела на него пристально, обдумывала последние вопросы. Возможно, каверзные.

— Вы действительно владели заводом?

— Да.

— Я красивая?

Он запнулся, прежде чем ответить. В первые пару секунд даже не смог понять, о чем она говорит. А когда сообразил, уставился на сидящую напротив блондинку, как истукан, — вот тебе и каверзный вопрос.

Марио волновался, потел, чувствовал, как немеет на стуле зад. Если сейчас ответит «да», но выяснится, что он так не думает на самом деле, его прошьет разрядом. Если скажет «нет», то обидит женщину. Черт! Вот уж точно — шкатулка с секретом.

— Да! — гаркнул он зло, дернулся и застыл в ожидании боли.

Тик. Тик. Тик.

Боли не было.

Спокойно двигал секундную стрелку часовой механизм, плескали за окном на берег волны; Лана улыбалась. Две минуты истекли.

— Вы зачем меня об этом спросили? — взревел он, когда понял, что гудения в теле больше нет. — Разве это имело отношение к делу?

Он едва не обделался, раздумывая над своим отношением к ее внешнему виду, — а что, если бы, как в баре? *Он бы лежал, как в баре, и дрыгался...*

— Простите.

Она смеялась. Он глазам своим не верил, но она смеялась.

— Я не удержалась. Когда перед тобой сидит мужчина и говорит только правду, грех не спросить, ведь так?

Марио выглядел совой. Застывшим чучелом с выпученными глазами. А потом обмяк — расслабился, выдохнул, почувствовал, как медленно и неохотно уходит из тела нервное напряжение.

— Женщины, — он вложил в это слово все, что когда-либо думали о прекрасном поле мужчины.

Плечи Ланы все еще подрагивали от веселья.

— Спасибо. Вы только что прошли тест.

Он устал, вспотел, окончательно оголодал, и ему хотелось материться.

— Чудесно. Рад. Непомерно.

Она отомстила ему за вчерашний горшок, не иначе — он запустил в нее глиняной посудой, она в него словами. Один-один.

Дрожали лежащие на коленях пальцы; медленно таял образ подрагивающей у задницы иглы, урчал от голода желудок.

— А пообедать я так и не успел.

Слова об обеде почему-то вызвали у Ланы такое смущение, как если бы он задал вопрос, складывает она трусики в шкафу по цвету, в стопки или бросает хаотично? Прикушенные губы, ускользающий взгляд и вид, упрекающий «ну, зачем вы спросили...»

— У меня... нет еды. В доме. Простите, я не успела купить.

Ясно: не успела купить, приготовить. А, если бы и успела, то навряд ли порадовала его чем-то изысканным — все-таки стеснена в средствах.

— Вообще-то, я не имел в виду фразу «накормите меня». Скорее, хотел предложить накормить обедом вас. Где-нибудь снаружи. Вы не против?

Легкий румянец на щеках, вновь сцепившиеся пальцы — он видел, ей хотелось оглядеть свой наряд, чтобы решить, подходит ли он для выхода «в свет», — и Марио вновь ощутил желание улыбнуться. Женщины. Иногда они предсказуемы, иногда совершенно никак.

— Мы выберем что-нибудь попроще, хорошо?

— Хорошо. Идемте.

Второй раз она смутилась уже снаружи, когда, заперев ворота, обнаружила, что он седлает мотоцикл.

— На этом?

— Это прекрасно подойдет.

— Но у меня ни шлема, ни... брюк.

Ему уже начинал нравиться этот забавный розовый оттенок на ее щеках.

— Шлемы в Ла-файе не нужны, если не превышать при езде определенную скорость, а ваша юбка вполне позволит...

«...раздвинуть ноги».

Предложение он не закончил, но Лана довершила его за него и взглянула укоризненно.

Марио мысленно дернул себя за язык.

— Я... Черт. Простите. Просто, когда вы позвонили, я вывел из гаража первое, что попало под руку.

В ее глазах вновь запрыгали чертики.

— А что было бы вторым?

— Белый кабриолет. Довольно широкий и потому не очень удобный, когда нужно много обгонять.

— А третьим?

Допрос, по-видимому, продолжался.

— Внедорожник. Я использую его, когда выезжаю за пределы города.

— А четвертым?

— Четвертого нет.

О стоящих на западном пирсе двух яхтах он упомянуть «забыл», как и о паре гидроциклов, — не суть.

— Едем?

Выражение лица Ланы в момент осмотра хромированного коня нужно было снимать на камеру, но девчонка — а стальной стержень в ней все-таки присутствовал — кивнула.

— Хорошо. За что мне держаться?

— За меня.

Взгляд глаза в глаза, и через секунду мелькнувший в женских вызов — мол, сами предложили.

Гулко завелся хриплый мотор, перелетела через сиденье нога в джинсах; аккуратно примостилась позади водителя невесомая Лана. Положила руки ему на бока.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Правящая власть Уровней.